

ХИМЕРА

Вадим Кучеренко

Человэльф

Вадим Кучеренко

Химера

«Автор»

2012

Кучеренко В. И.

Химера / В. И. Кучеренко — «Автор», 2012 — (Человэльф)

Остросюжетный фантастический роман «Химера» является продолжением романа «Человэльф» о любви эльфийки и человека, в основу которого была положена одна из самых загадочных тайн XX века. Духи природы существовали на Земле задолго до того, как на ней появился человек. Они тайно правят планетой, порождая мировые войны и глобальные экономические кризисы, влияющие на судьбы людей. И жестоко мстят всем, кто нарушает их законы. Один из них запрещает представителям разных рас любить друг друга. В романе «Химера» эльф Фергюс, спасая своего внука-бастарда от мести зловещего и всемогущего Совета Тринадцати, пытается скрыться среди людей. Ему придется рисковать жизнью и многое потерять... Действие романа происходит во многих странах. Роман характеризует почти детективное развитие событий. Невозможно предугадать, что читателю откроется уже в следующей главе, и как будет развиваться сюжет.

© Кучеренко В. И., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Беглецы	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	60
Глава 13	64
Глава 14	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вадим Кучеренко

Химера

Предисловие

Любой аэропорт напоминает библейский ковчег до и после Всемирного потопа, когда в него входили и выходили отобранные праведником Ноем земные твари. Несомненно, и в том, и в другом случае они спешили, подгоняемые страхом или надеждой. Столпотворение, неразбериха, шум, гам...

Но если аэропорт - это Ноев ковчег, то пассажиров можно сравнить со стаей саранчи, движение которой зависит только от направления и скорости ветра. Они представляют все расы и национальности, населяющие современный мир. И далеко не все из них люди.

Многие духи природы, населяющие Землю миллиарды лет, в XXI веке предпочитают путешествовать самолетами, пренебрегая левитацией, телепортацией и прочими свойственными им от рождения магическими способностями. Времена пеших пилигримов давно миновали и забыты даже самими духами.

В один из сентябрьских дней в аэропорту Шереметьево-2 можно было увидеть мужчину лет сорока пяти-пятидесяти на вид, среднего роста, красивого и поджарого, как породистая скаковая лошадь, который настороженными, и в то же время как будто невидящими глазами всматривался в окружающую его толпу. Он крепко держал за руку худенького, светловолосого мальчишку с ясными голубыми глазенками и смышленным личиком, на котором эмоции стремительно сменяли друг друга. И только выражение глаз мальчика оставалось неизменным. Словно они знали нечто такое, что было недоступно пониманию окружающих его в аэропорту людей, а, быть может, и всех обитателей Земли.

Это были Федор Иванович Борисов, по паспорту - коренной житель Москвы и, по меньшей мере, на пару сотен лет моложе своего настоящего возраста. Мальчику уже исполнилось восемь лет. В свидетельстве о рождении было записано, что его зовут Альфред Иванович Борисов, и указан его истинный возраст.

Но это по документам, без которых не могут обходиться люди, отгородившись друг от друга государственными границами, бюрократическими рогатками и общественными условностями. В действительности же это были эльфы, находящиеся в кровном родстве, представители одного из самых многочисленных народов духов природы. Старшего звали Фергюс, младшего - Человэльф, и они уже много лет жили под дамокловым мечом мести Совета XIII, который обрек ребенка на смерть, потому что его матерью была эльфийка, а отцом - человек. Высшему правительственному органу мира духов чистота расы казалась важнее, чем жизнь одного бастарда.

Фергюс рассуждал иначе. Внук, обретенный неожиданно и тогда, когда он уже разочаровался не только в людях, но и в духах, и разуверился почти во всем, был для него дороже собственной жизни. Поэтому им приходилось много путешествовать, часто меняя города, страны и даже континенты, не говоря уже об именах и биографиях. Такая жизнь утомляла и физически, и духовно, но другого выхода у них не было. Так думал Фергюс, а Альфред, или Человэльф, как называли его мать и отец, был еще слишком мал, чтобы протестовать против своей кочевой жизни. Тем более, что эта жизнь приносила мальчику удовольствие. Он любил узнавать новое. И путешествия охотно предоставляли ему такую возможность.

Но не всегда их вынужденные скитания были вызваны реальной угрозой. Совет XIII считал и самого Фергюса, и его внука-бастарда мертвыми. По официальной версии, Фергюс погиб

в автодорожной катастрофе, а младенец был убит в родильном доме. Поэтому все эти годы опасность существовала больше в голове старого эльфа.

Однако Фергюсу приходилось прятать внука не только от духов.

Альф, наполовину человек, наполовину дух, намного превосходил по развитию своих сверстников, среди которых ему приходилось жить. Он учился только в третьем классе. Но в самом начале нового учебного года, выполняя заурядное домашнее задание, он предложил решение уравнения Навье-Стокса, одной из семи загадок тысячелетия. Его учительница, поразившись, заявила, что Альфред – ребенок-индиго и требует пристального к себе внимания. Она решила показать мальчика ученым, изучающим человеческий мозг.

После этого Фергюс счел самым разумным покинуть Москву, как до этого они расстались с Дели и многими другими городами.

На этот раз они улетали в Австралию, в Сидней.

Часть 1. Беглецы

Глава 1

Альф был рад неожиданному путешествию. Учебный год только начался, и он еще не отвык от летней вольницы. Ежедневное вынужденное заточение на несколько часов в душном тесном классе с целью изучения школьных дисциплин, которые не представляли для него интереса из-за своей примитивности, не могло не вызывать у него скуку. По той же самой причине у него не было друзей в его третьем «Б» классе. Он превосходил своих сверстников как интеллектуально, так и физически. Это превосходство давалось Альфу слишком легко, чтобы тешить его самолюбие. Однако оно не прибавляло ему друзей среди мальчишек, а девочек он сторонился сам. Лишенный с рождения материнской ласки, он был, как дикий лесной зверек, насторожен и недоверчив к этим, на его взгляд, слишком эмоциональным, болтливым и наивным существам.

Австралия привлекала Альфа тем, что он надеялся посетить в Сиднее оперный театр, считавшийся одним из семи современных чудес света. Однажды мальчик увидел его в американском блокбастере, на фоне падающего корабля пришельцев, и эта картина потрясла его воображение.

- Ты представляешь, дед, - говорил он, возбужденно блестя ярко-голубыми глазами, - здание театра со всех сторон окружено водой, и оно похоже на парусник! А на официальной церемонии его открытия присутствовала сама английская королева. Давали оперу «Война и мир» Сергея Прокофьева. Русского композитора!

В ожидании, когда объявят посадку на их рейс, они стояли у здания аэропорта и наблюдали за тем, как взлетают и садятся самолеты. Фергюс, который некогда жил в Англии и был лично знаком с Елизаветой II, не разделял восторга внука, но искренне забавлялся им.

- Это здание строили четырнадцать лет, и оно обошлось Австралии в невероятную для тех лет сумму – сто два миллиона долларов, которая намного превысила первоначальную смету, - голосом, не выражающим его собственного отношения к сообщаемым фактам, заметил Фергюс. - А планировалось, что строительство театра займет четыре года и будет стоить всего семь миллионов австралийских долларов. Однако это не помешало архитектору, датчанину Йорну Утзону, спустя тридцать лет после церемонии открытия, получить за свой проект престижнейшую в мире архитектуры премию. Обосновали это тем, что проект был выполнен в стиле экспрессионизма с радикальным и новаторским дизайном.

Альф посмотрел на деда с подозрением, как всегда, когда он слышал этот нарочито равнодушный тон.

- Сдается мне, что ты не считаешь сиднейский театр оперы достойным моего внимания, - произнес он с упреком. – Не говоря уже о себе.

- Может быть, ты и прав относительно меня, - заявил Фергюс. – На мой взгляд, в Австралии есть только одно настоящее чудо. И это Вулеми.

Альф взглядом требовал пояснения, и Фергюс охотно продолжил.

- Вулеми - доисторическое растение. Вообще-то это обыкновенная сосна, но она произрастает на нашей планете уже сто пятьдесят миллионов лет. Не каждый может похвастаться таким долголетием, ты не находишь?

- Ничего не слышал о ней, - почти виновато сказал Альф.

- И не удивительно, - утешил его дед. – До недавнего времени ее существование было государственной тайной в Австралии. Но в один прекрасный день, поняв, что доисторическая сосна может просто исчезнуть с лица земли, австралийское правительство начало распродавать сосновые саженцы Вулеми всем желающим.

И как бы между прочим Фергюс добавил:

- Я купил пару сотен. Они уже подросли. Как-нибудь покажу тебе этот реликтовый лес. Правда, это не в Австралии, а на другом континенте. Но саженцы на удивление хорошо прижились...

- А на каком континенте растет этот ваш реликтовый лес?

Фергюса прервал женский голос, который прозвучал за его спиной и заставил эльфа вздрогнуть от неожиданности. Потому что это был голос Арлайн, единственной женщины, которую он когда-либо любил, бабушки Альфа. Он даже немного побледнел.

Разумеется, это была не Арлайн. Обернувшись, Фергюс увидел женщину лет тридцати на вид, с русыми волосами, ниспадавшими на плечи. Женщину можно было бы назвать красивой, если бы не печальное выражение ее лица. Почти трагическая маска сама по себе была тоже прекрасной, но она проявляла все мимические морщинки вокруг глаз и губ. По всему было видно, что раньше эта женщина любила часто и подолгу улыбаться.

Но кроме голоса у этой женщины были еще и глаза Арлайн. Точно такими, словно бы уже отстраненными от жизни, глазами она смотрела на Фергюса при последней их встрече.

Все это Фергюс увидел и оценил в одно мгновение. И в его взгляде отразилась боль от воспоминаний о прошлом.

Но незнакомка неверно истолковала выражение его глаз и смутилась.

- Я понимаю, что поступаю бестактно, вмешиваясь в ваш разговор, - почти виновато произнесла она.

Фергюс кивнул, соглашаясь. Он и сам понимал, что это было жестоко, но его всегда настораживали случайные знакомства.

- Прощу меня простить, - женщина была готова расплакаться. - Но мне почему-то вдруг так захотелось взглянуть на этот лес, что я не смогла удержаться.

- Но ведь вы направляетесь в Австралию, - сказал он.

- А мне все равно, куда лететь, - возразила она. - В Сидней я взяла билет только потому, что этот город очень далеко от Москвы. Но ведь реликтовый лес – это еще дальше, правда? Пусть не в пространстве, но во времени.

Женщина произносила слова, обращаясь к Фергюсу, но он видел, что разговаривала она не с ним, а сама с собой, и лишь по одной причине – чтобы бы не молчать. Ее речь была похожа на поток сознания, который, подобно водопаду, срывался со скалы, просто потому, что ему некуда больше течь.

И это тревожило Фергюса. Ему не стоило труда прочесть ее мысли. В них не было ничего, кроме желания умереть. И только образ маленького ребенка, часто возникающий в сознании женщины, иногда изменял черный цвет ее мыслей на бледно-золотистый.

Фергюс снова подумал об Арлайн и испытал подобие *deja vu*. Он как будто вернулся на восемь лет назад, в больничную палату психиатрической клиники под Парижем. Он опять видел перед собой обреченную женщину. А если закрыть глаза и только слушать ее... Слышать голос Арлайн... Он почувствовал невольную дрожь. Фергюс до сих пор не мог простить себя за то, что не понял в тот день ничего, потрясенный ее признанием. Арлайн взяла с него слово спасти их дочь, а чтобы он выполнил свое обещание, умерла. Он не знает, как ей это удалось, да это и не важно. Однако он был уверен, что Арлайн ушла из жизни по собственной воле. Потому что для эльфов обещание, которое они дают умирающему, священно. Но пойми он это тогда – и, может быть, ему удалось бы убедить Арлайн, что для этого ей не надо умирать. И она была бы жива, когда он вернулся за ней...

«Но надолго ли? - вдруг подумал Фергюс. – Ведь я так и не смог спасти Катриону, несмотря на данное Арлайн обещание. Только Альфа!».

Гримаса боли исказила его красивое лицо. Незнакомка опять неверно поняла ее и, несмотря на владевшее ею состояние отрешенности, смешалась.

- Простите меня, - сказала она. – Я понимаю, что только вежливость не позволяет вам...

Она не договорила, обреченно махнула рукой, повернулась и пошла прочь. Она шла в толпе пассажиров, опустив голову, ничего и никого не видя перед собой, ее толкали, но она даже не замечала этого.

- Дед, что с тобой? – Альф потянул его за рукав. – Да очнись же!

Но Фергюс не отвечал. Он крепко сжал руку внука и пошел вслед за незнакомкой. Его вело предчувствие, что сейчас должно случиться что-то плохое. И он собирался помешать этому. Он не сумел уберечь Арлайн. Но эту женщину спасет. Это решение, которое он принял почти неосознанно, продиктовал не его разум. А нечто, что было сильнее разума, властью которого над своими чувствами он всегда так гордился.

- Дед, ты куда? - спросил Альф.

Но голос внука прозвучал приглушенно, как будто издали, и Фергюс его не расслышал. Он вслушивался только в мысли женщины, которая шла перед ними шагах в десяти. И это были такие мысли, которые он не хотел бы никогда слышать, тяжелые, гнетущие, мрачные.

Но Фергюса ждало еще одно испытание.

Неожиданно, метрах в пятидесяти, он увидел Алву. И если белокурая незнакомка удалялась, то эльфийка шла навстречу ему. Все такая же белокожая, рыжеволосая и длинноногая, какой он ее помнил. И с еще более роскошными, чем прежде, бедрами, которыми она сильно виляла, привлекая к себе восхищенные взоры мужчин. Позади Алвы шел носильщик, который с трудом двигал тележку, с верхом груженную чемоданами, несомненно, принадлежавшими ей. Алва часто оглядывалась на него, словно опасаясь, что он может скрыться с ее вещами, и жестами и короткими словами подгоняла его. Только поэтому она не замечала Фергюса.

Незнакомка и Алва неумолимо сближались. И если бы Фергюс продолжал идти за женщиной, то обязательно столкнулся бы с эльфийкой. А это могло принести ему большие неприятности в будущем. Алва непременно рассказала бы об этой встрече в московском аэропорту своему мужу, премьер-министру Эльфландии и члену Совета XIII Лахлану. А тот сообщит главе Совета эльбсту Роналду. Последствия были непредсказуемы. Вернее, предсказуемо плохими для него, Фергюса, и его внука Альфа.

Поэтому Фергюс остановился. Замер в растерянности, словно споткнулся, размышляя, как ему поступить в такой ситуации. И, отвлекшись на мгновение от незнакомки, он упустил тот момент, когда она неожиданно шагнула с тротуара на проезжую часть, под колеса огромного автобуса с темными провалами тонированных стекол. Автобус приближался слишком быстро, чтобы успеть затормозить.

Все, что произошло затем, было настолько стремительно, что человеческий глаз не успел бы это зафиксировать и послать сообщение в мозг, где оно превратилось бы в яркую осмысленную картинку. Фергюс преодолел разделявшее его от незнакомки расстояние за одно мгновение, подхватил ее на руки и, в затажном прыжке увернувшись от удара, мягко опустился на землю. Он услышал за своей спиной, как пронзительно и противно завизжал тормозами автобус.

Окружающие увидели только первый и последний кадры этого фильма. Женщину, падающую под колеса автобуса – и ее же, но уже в объятиях какого-то мужчины. Но никто даже не задумался о том, что было между этими событиями. Люди охочи до зрелищ. И они с восторгом восприняли то немногое, что увидели. Почти сразу же за общим испуганным воплем раздались восхищенные выкрики и рукоплескания. Фергюса чествовали как героя.

А он чувствовал себя очень скверно. Но уже ничего не мог изменить. То, что произошло, не зависело от него. Ни тогда, когда он это совершал, ни когда уже все совершилось. Единственное, что он мог – поскорее убраться отсюда подальше, надеясь, что Алва ничего не заметила.

Но когда Фергюс, уже перед тем, как войти в здание аэропорта, оглянулся, он наткнулся, словно в темноте на нож, на удивленный взгляд Алвы. Забыв о своих вещах, она не сводила глаз с Фергюса. Но что ему не понравилось намного больше - с Альфа. Мальчик, боясь отстать, вцепился в рукав деда и почти бежал, что-то возбужденно говоря.

И странно было бы думать и надеяться, что эта картина не привлечет к себе внимания – красивый мужчина с потерявшей сознание женщиной на руках и мальчик рядом с ними, так поразительно похожий на мужчину, что не оставалось ни малейшего сомнения, что они близкие родственники. В этот момент на них смотрели сотни людей, заполнявших площадь перед зданием аэропорта. И одна эльфийка. Но, в отличие от людей, ее взгляд выражал не восхищение, а ненависть. И направлен он был не на мужчину, а на мальчика.

Когда Фергюс скрылся в толпе, Алва зло фыркнула и, обернувшись к носильщику, резко спросила:

- Когда ближайший рейс на Берлин?

Алва только что прилетела из Парижа в Москву, где собиралась провести несколько дней, обходя местные значные места, о которых наслухалась самых поразительных слухов, что решила проверить, насколько они соответствуют действительности. Возможности столиц всех других европейских стран она уже исчерпала. Но в эту минуту, едва ступив на русскую землю, Алва уже не сомневалась, что не обманулась в своих ожиданиях. Самое интересное, что могло быть для нее в Москве, эльфийка уже увидела. И она спешила поделиться этим открытием с кобольдом Джерриком, своим любовником. Мысль о том, что новость будет интересна и Лахлану, ее мужу, как-то не пришла Алве в голову.

Алва всегда отличалась здравомыслием.

Глава 2

Фергюс сам понимал, что выглядит крайне нелепо с женщиной на руках. А, главное, обращает на себя всеобщее внимание. Поэтому он с облегчением вздохнул, увидев, что незнакомка открыла глаза.

- Вам лучше? – спросил он, и только потом сообразил, насколько глуп его вопрос в подобных обстоятельствах.

Удивительно, но женщина поняла его невысказанные мысли и сомнения.

- Если ты сделаешь что-то хорошее, никогда не жалею об этом, - тихо произнесла она. - Жалею только о том, что плохо.

- Что вы сказали? – переспросил Фергюс, не расслышав ее.

- Это не я, это китайская мудрость, - ответила она. – Вы не могли бы опустить меня на землю?

Только сейчас Фергюс осознал, что до сих пор держит ее на руках. Он смутился и опустил руки. Женщина встала рядом с ним, оправила платье и прическу. Виновато и отстраненно улыбнулась.

- Вы только не подумайте, что я нарочно бросилась под автобус, - сказала она. – Просто у меня закружилась голова от слабости. Я почти не спала трое последних суток. Ничего не ела. С той самой минуты, когда узнала, что я...

Она замолчала. Ее глаза наполнились слезами. Фергюс испугался, что сейчас у нее начнется истерика. Видимо, этот страх отразился у него на лице, потому что женщина поспешила успокоить его:

- Не бойтесь, я не истеричка. Но я очень хочу кофе с коньяком. Он меня успокоит и придаст сил.

Сумасшедшие всегда логичны, подумал Фергюс. Он почти не сомневался в диагнозе, который поставил бы его случайной знакомой любой мало-мальски сведущий психиатр. Удивляло его только собственное отношение к этой женщине. Он все еще находился рядом с ней и, что было самое странное, не собирался оставлять ее на произвол судьбы. Фергюс был уверен, что попытка самоубийства не была случайностью, что бы она ни говорила. И женщина обязательно повторит ее, оставшись одна.

- Здесь есть кафе, на верхнем этаже, - продолжила женщина. – Вы не составите мне компанию? Разумеется, счет оплачу я. А вашему мальчику я куплю шоколадку. Самую большую из тех, какие там есть.

Фергюс вопросительно взглянул на внука. Тот одобрительно закивал. Идея насчет шоколада мальчику пришлась по душе. Но Фергюс был почему-то уверен, что намного больше ему понравилась незнакомка. Это было бы поразительно, если бы сам Фергюс не испытывал подобного же чувства.

- Ну, что, Альф? – спросил он. – Хочешь шоколадку?

И внук ответил ему как истинный философ:

- А почему бы и нет?

Незнакомка обрадовалась. Глаза ее потеплели.

- Вы очень хорошие, - заявила она. – Оба. Можно, я вас поцелую?

Почти одновременно Фергюс и Альф покраснели от смущения. Но внук выручил деда.

- Только после того, как я узнаю ваше имя, - заявил он. – Видите ли, с незнакомыми женщинами я не целуюсь. Такой у меня принцип.

Их собеседница невольно улыбнулась.

- Ох, простите, - воскликнула она. – А ведь и правда! Мы даже не знакомы. Меня зовут Евгения. Можете называть меня Женя.

- Фер..., - начал было эльф. Но вовремя спохватился. – То есть Федор Иванович! А это мой внук, Альфред.

- Можно просто Альф, - уточнил мальчик. – Так меня зовет дед. А теперь будете еще и вы. Если хотите.

- Очень хочу, - с благодарностью взглянула на него женщина. – Мой сын, наверное, твой ровесник. Вы чем-то похожи с ним. Наверное, потому что оба светловолосые.

Она повернулась к Фергюсу и призналась:

- Знаете, поэтому я к вам и подошла. Из-за вашего внука. Мне так недостает моего сына!

Услышав это признание, Фергюс не испытал ни разочарования, ни обиды. Скорее, наоборот. Любой, кто проявлял симпатию к его внуку, становился ему другом. А большего от женщины, кем бы они ни была, он и не ждал, и не требовал. Уже много лет. С того самого дня, когда умерла Арлайн.

Они устроились за столиком в кафе. Заказали кофе с коньяком, свежавыжатый апельсиновый сок и шоколадку. Но удовольствие получил только Альф, который, как любой мальчишка его лет, обожал сладкое. Фергюс так и не притронулся к своему соку. Евгения пила кофе с заметным отвращением. Казалось, что женщина добровольно наложила на себя епитимью за какой-то тяжкий грех, и теперь во что бы то ни стало пытается ее исполнить, находя удовольствие в мучениях, которые это ей доставляет.

- И все-таки, почему Австралия? – спросил Фергюс. – Если вам безразлично, куда и зачем лететь.

Он пытался понять, что мучает их новую знакомую. И окольными путями хотел подвести ее к признанию. Конечно, он мог бы прочесть ее мысли, и таким образом все узнать. Но почему-то этот наиболее простой путь казался ему сейчас предосудительным.

- Коренные жители Западной Австралии гордятся тем, что на их территории есть места, куда еще не ступала нога человека, - ответила Евгения. – Разве этого мало?

- Иными словами, вы хотите скрыться от людей, - констатировал Фергюс. – Я вас понимаю. Я их и сам недолюбливаю.

И это была чистейшая правда.

- Вообще-то в своей жизни я недолюбливала, как вы выразились, только одного человека, - пояснила Евгения. – И это мой муж... Вернее, бывший муж. Видите ли, я приучаю себя говорить о самой себе в прошлом времени. Так намного ближе к истине.

- Такое бывает.

- А знаете, за что я его недолюбливала? Он отнял у меня моего сына.

- И такое случается. И не так уж редко.

- Да, случается, - согласилась она. – Но когда это случается с тобой... О других как-то забываешь. Как и о том, что твоя личная драма – не уникальный случай в масштабе всего человечества. И уж тем более это не утешает.

- Едва ли Австралия поможет вам, Женя, забыть о вашем горе, - сказал Фергюс. – Но попытаться можно. Я вам рекомендую the Bay of Fires Lodge. Охотничий домик примерно в ста милях от городка Лонсестона, на северо-восточном побережье Тасмании. Добраться до него можно только пешком. Двенадцать миль, путь занимает два дня, по белым песчаным пляжам, холмам и приливным речушкам. Хорошее путешествие.

- Пока что я не слышала ничего, что могло бы меня заинтересовать, - равнодушно пожалала плечами Евгения. – В чем фишка, как говорит мой сын? Уверена, что и ваш внук тоже.

Альф охотно закивал головой. Он был на удивление молчалив, только слушал, ел шоколад и с восхищением смотрел на Евгению. Фергюс видел это и начинал уже беспокоиться. В его планы не входило продолжать знакомство с Евгенией после того, как они окажутся в Австралии. Он понимал, что красивая женщина будет привлекать к себе слишком пристальное внимание окружающих. А, значит, не смогут остаться в тени все те, кто будет находиться в ее ком-

пани. Фергюс не мог себе этого позволить, какие бы чувства он или его внук не испытывали к своей новой знакомой.

- Фишка в том, что по местным законам лишь двенадцать человек, из которых двое – проводники, могут находиться в этой части побережья одновременно. А в современном мире это почти одиночество, к которому вы так стремитесь.

- Чтобы исполнилось твое самое заветное желание, - печально улыбнулась Евгения. И пояснила в ответ на недоуменный взгляд Альфа: - Это древнекитайское проклятие.

- Гигантские холмы, сложенные на побережье из раковин моллюсков, напоминают о тех временах, когда Тасманию только открыли голландские моряки, - сказал Фергюс. – Увидев множество костров, на которых местные жители готовили собранных ими мидий и устриц, они даже назвали эту бухту заливом Огней. А спустя некоторое время незваные гости истребили аборигенов.

- Знакомая история, - заметила Евгения. – Сначала восхищаются, потом истребляют. Как будто обо мне.

Коньяк, щедро подлитый в кофе, уже начинал сказываться. Щеки ее покраснели, глаза слегка увлажнились.

- Может быть, вы все-таки расскажете, что с вами случилось? – не выдержал Фергюс. – Мне кажется, это пойдет вам на пользу. Да и нас избавит от догадок на ваш счет.

- Китайская поговорка гласит: «Женщина как птица, она прилетела к тебе, села на руку, спела песню и улетела. Будь ей благодарен за эту песню», - тихо произнесла она. – Вы уверены, что хотите узнать больше?

- Да, - заявил Фергюс. – Я очень хочу узнать, почему страдает такая красивая женщина. Это противоестественно.

- Потому что она, то есть я, не женщина.

- А кто же?

- Химера, - ответила Евгения. И губы ее болезненно искривились.

- В греческой мифологии химера – это чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом змеи, - проявил свои познания Альф. – Вы на нее совсем не похожи.

- Внешне – да, - согласилась Евгения. – Но, как говорил Лис Маленькому принцу, самое главное - то, чего не увидишь глазами. Ты читал эту прекрасную сказку, Альф?

- Да, ее написал Антуан де Сент-Экзюпери, по национальности француз, писатель, поэт и профессиональный лётчик, - не затруднившись, ответил мальчик. – Это одна из моих любимых книг. Но при чем здесь химера? В «Маленьком принце» нет такого существа.

- Нет, потому что это очень добрая сказка. А жизнь зла. И в ней встречаются женщины-химеры. Я не знаю ничего ужаснее подобных созданий.

- Я уточню вопрос своего внука, - нахмурившись, произнес Фергюс. – При чем здесь вы? Евгения болезненно усмехнулась.

- Скажите, а как по-другому можно назвать женщину, которая еще в утробе матери поглотила свою сестру-близнеца, чтобы выжить самой? По-научному это называется «на ранней фазе эмбрионального развития слилась с выжившим зародышем». Видите ли, так вышло, что я оказалась сильнее моей бедной сестренки. И стала существом, в чьем организме уживаются, не мешая друг другу, ткани с разными наборами генов.

- Но разве это ваша вина? – мягко спросил Фергюс. – Это воля природы, породившей нас всех. Вам не стоит так жестоко карать себя. Тем более столько лет прошло!

- А я и не карала, - усмехнулась Евгения. – Жила себе припеваючи и радовалась жизни, даже не зная о той смертоубийственной драме, которая разыгралась когда-то в чреве моей матери. До недавнего времени. Пока не вышла замуж и не родила сына.

- А что произошло, когда вы родили сына? – поинтересовался Фергюс. Он бросил взгляд на часы. - Впрочем, если не хотите, можете не рассказывать. Через несколько минут объявят посадку на наш рейс.

- А я, может быть, никуда не полечу, - заявила Евгения. – И мы уже никогда не встретимся. Поэтому я хочу вам все рассказать. Вы понимаете?

- Да, - кивнул Фергюс. – Тогда поторопитесь.

- А это не займет много времени, - пообещала женщина. И отхлебнула из чашки с кофе. – Бр-р, какая мерзость! Впрочем, это можно сказать не только об этом кофе, но и моей теперешней жизни.

- Начинать, - Фергюс еще раз выразительно посмотрел на циферблат своего Breguet. Эти часы, некогда изготовленные часовым мастером Абрахамом-Луи Бреге, были бесценны. Еще и потому, что никогда не отставали и не спешили, а показывали самое точное в мире время. – Если хотите успеть закончить.

- Учителя только открывают дверь, но входишь ты сам, - улыбнулась Евгения. – Это тоже китайская поговорка. Вы, наверное, уже заметили, что я много их знаю и часто употребляю, к месту и не к месту. Это не случайно. Ведь я родилась и почти всю свою жизнь прожила во Владивостоке, на окраине России, по соседству с великим Китаем. История этого государства насчитывает более пяти с половиной тысяч лет. То, что китайские философы не знают о жизни и людях, и знать не стоит, поверьте.

Фергюс хмыкнул, но не стал возражать.

- Я с детства бредила этой страной. Поэтому, окончив школу, поступила в университет. Пять лет изучала китайскую филологию. Это меня и сгубило – интерес к этой стране. Однажды, во время туристической поездки, я встретила в Китае со своим будущим мужем. Он был тоже турист, но только из Америки. Довольно хороший врач. И даже доктор медицины, за несколько лет до этого написал диссертацию на тему генетических аномалий, которая получила известность в ученых кругах. Но главным мне тогда казалось не это, а то, что он с первого взгляда влюбился в меня, а я полюбила его. Тогда я посчитала это фантастической удачей. Многие русские девчонки мечтают выйти замуж за иностранца и уехать из России. Но их мечты редко сбываются, а я встретила своего прекрасного американского принца на белом коне. И где бы вы думали?

Фергюс опять выразительно хмыкнул, и Евгения не стала настаивать на ответе.

- Я встретила его там, где только и должны обитать принцы – во дворце. Возможно, вы слышали о Запретном городе, который расположен в самом центре Пекина. Крупнейший дворец в мире, хранящий память о двадцати четырех императорах, которые правили Китаем в течение почти пяти веков. Какая бы девушка устояла? Я пала в ту же ночь. Что было потом, помню смутно. Пещеры Могао на Шелковом пути, вырезанный в скале гигантский Будда в провинции Сычуань, горы Хуаншань, круиз по реке Ли Гуйлинь – все промелькнуло, как сон. Днем, созерцая достопримечательности, я как будто спала, зато ночью, в его объятиях, бодрствовала...

- Избавьте нас от интимных подробностей, - сухо попросил Фергюс. – И меня, и тем более Альфа.

- Ох, простите великодушно, - смутилась Евгения, возвращаясь из мира грез и воспоминаний в реальность. - В общем, я изменила Китаю с новым возлюбленным. И навсегда вычеркнула из своей жизни прежнего. Так я думала в те дни. Это были самые чудесные дни моей жизни. Я была такой юной! И такой...

Евгения вздохнула, не закончив фразы. Фергюс опустил голову. Он хорошо понимал ее. В его жизни тоже был такой период романтической влюбленности. Тогда Арлайн была его невестой, и им обоим казалось, что их будущее предопределено. В те самые прекрасные в его жизни ночи они много танцевали - под луной, а когда ее не было - в отблесках костра, а если

шел дождь, то под дождем, подставляя свои разгоряченные лица живительной влаге. Восход солнца они часто встречали на вершине холма острова Эйлин Мор, который был колыбелью народа эльфов и стал колыбелью их любви. Они верили, что им предстояло прожить долгую счастливую жизнь, полную радостных дней и не менее радостных ночей.

А когда они уставали от танцев, то Фергюс начинал играть на волынке, а Арлайн тихо напевала слова древних эльфийских песен.

- Твоим зеленым рукавам

Я жизнь безропотно отдам.

Зеленые, словно весной трава,

Зеленые рукава!

Это была их любимая песня. Слушая ее, сама природа затихала, роняя с небес на землю слезы печали и надежды...

Фергюс встряхнул головой, словно отгоняя наваждение.

- Продолжайте, - произнес он. - Прошу вас.

И Евгения, немного удивленная его резким тоном, которому противоречил отрешенный вид Фергюса, прервала молчание.

- Когда турпоездка по Китаю подошла к концу, мы решили уже никогда не расставаться. Мой прекрасный принц на белом коне подхватил меня в седло, и мы вихрем умчались в Америку. Не буду врать, первый месяц нашей совместной жизни тоже показался мне сказкой. Он пролетел мгновенно. А потом я узнала, что забеременела. Разумеется, сообщила это радостное известие своему мужу...

Глаза женщины стали сухими и колючими. И даже голос изменился, словно охрипнув.

- И сразу после этого сказка закончилась. Вернее, закончилась добрая сказка. Но началась новая, ужасная. Мой прекрасный принц оказался оборотнем. В мгновение ока он превратился в чудовище.

- В волка? – заинтересованно спросил Альф.

- Если бы, - зло улыбнулась Евгения. – Намного хуже. В восточного мужчину.

- Никогда не слышал о таких, - авторитетно заявил Альф. – А я много о них читал. Есть ликантропы. Это те, кто принимает волчий облик. Берсерк - это человек-медведь в скандинавской мифологии. Кицунэ - оборотень-лисица в Японии. Шелки - люди-тюлени у кельтов...

- Не забудь еще о людях-леопардах Аниото, а также о том, что невежливо перебивать старших, - заметил Фергюс.

Альф смущенно улыбнулся и закрыл рот руками, давая понять, что превратился в рыбу, главное достоинство которой – ее немота.

Фергюс жестом показал Евгении, что она может продолжать свой рассказ. Она так и сделала.

- Дело в том, что мой муж был американцем арабского происхождения. В его крови притаился ген восточного мужчины. Со всеми свойственными Востоку предрассудками относительно женщины и семьи. Говоря проще, он был тиран. Жестокий тиран, как очень скоро я узнала. И испытала на своей шкуре. Он бил меня за малейшее непослушание, иногда кулаками, иногда плетью. Не выпускал из дома. Заставлял мыть себе ноги и после этого пить эту грязную воду...

Евгения снова замолчала, увидев широко раскрывшиеся от возмущения глаза мальчика. Подумав, она заметила:

- Как вы понимаете, последняя фраза – это было сказано образно. До такого дело ни разу не доходило. Но плеть – это чистая правда. Хотите, я покажу вам свою спину?

- Я вам верю, - запротестовал Фергюс. – Избавьте меня от доказательств! И, кроме того, нас просто не поймут окружающие, если вы вдруг оголитесь.

- И напрасно, - лукаво подмигнув Альфу, заявила Евгения. – Никогда не доверяйте женщинам на слово, мой милый Федор Иванович! Следов от плети на мне тоже нет. Мой муж был очень осторожен в этом отношении. Ведь мы жили в Америке. В стране, где у женщин прав не меньше, чем у мужчин. Кстати, это заставляло моего мужа искренне страдать. Но оставь он на мне хотя бы один-единственный след насилия... О, тогда я могла бы обратиться в суд, лишиться его сына и вернуться в Россию. Однако он был старше и опытнее меня. И он меня опередил.

- Иными словами, не вы, а ваш муж подал на вас в суд, потребовав развод, - нетерпеливо подсказал Фергюс. Он всегда предпочитал факты эмоциям.

- Точно, - улыбнулась Евгения. – В вашем взгляде сквозит то же самое осуждение, которое я увидела в глазах судьи. А потому спорить было бессмысленно. Нас с мужем развели, алиментов мне не присудили. Но, главное, меня лишили прав на моего сына. Запретили даже приближаться к нему на пушечный выстрел. Вы случайно не подскажете, сколько это в метрах – пушечный выстрел? Всегда хотела это узнать.

- Но почему? – удивился Фергюс. – Вы не работали, были асоциальным элементом, наркоманили?

- Ничего из этого позорного списка. Я работала в американской школе, имела хорошую зарплату, отличалась примерным поведением, была образцовой матерью и хозяйкой в глазах всех соседей. У меня был только один изъян. Но существенный. Я не была матерью собственного сына. Мой муж сказал на суде, что он его родной отец, а я – бесплодная женщина и мачеха, которая претендует на чужого ребенка, чтобы получать алименты и жить, не работая. А потому... Судья был абсолютно прав. Ребенок должен жить с родным отцом, а не с мачехой, да еще и сумасшедшей, потому что она настаивает на своем кровном родстве с ним.

- Я не понимаю, - честно признался Фергюс. – В конце концов, есть же генетическая экспертиза. Вы могли...

- Я рассуждала точно так же, как и вы, - завершила его Евгения. – Мой бедный сын стал донором, чтобы доказать наше с ним кровное родство. Но генетический анализ показал, что мы с ним даже не дальние родственники. Забавно, что волосы у него были такими же русыми, как у меня. А его отец – то, что называется жгучий брюнет. Но это никого не смутило. Я настаивала. Мне пригрозили сумасшедшим домом. И я... Я сдалась. Испугалась и перестала бороться за своего сына. Уехала из Америки. В Москву. И только здесь, пройдя медицинское освидетельствование, я узнала, в чем причина того, что моего сына не признали моим родным сыном. Оказывается, я - женщина-химера.

- Как я догадываюсь, ваш муж знал это раньше? – спросил Фергюс. – И поэтому не опасался, предъявляя вам абсурдное обвинение в суде.

- Да, ведь он же был врач, - кивнула Евгения. – Когда он узнал о моей беременности, то заставил меня пройти медицинское освидетельствование в своей клинике. Как он говорил, им руководит забота о здоровье будущего ребенка. Думаю, именно тогда он все узнал обо мне. И изменил свое отношение к нашему браку. Действительно, разве можно любить не женщину, а химеру?

- Любить можно кого угодно, - хмуро буркнул Фергюс. – Во всяком случае, я так думаю.

- А знаете, что я думаю?

- Нет.

- Что судьба наказала меня за убийство родной сестры. Ведь было сказано – не убий! А я нарушила эту заповедь. И понесла заслуженное наказание. И я не спорю с его справедливостью. Но почему из-за моей вины должен страдать мой сын? А вот это уже несправедливо. Вы не находите, Федор Иванович?

- Дети не должны страдать никогда и не при каких обстоятельствах, - тон, каким Фергюс произнес эту фразу, не оставлял ни малейших сомнений, что она была им выстрадана, и он не отступится от нее ни на йоту. – Что бы ни совершили их родители.

- А мой сын страдает, - глаза Евгении на миг посветлели, как будто небо осветила вспышка молнии. – Его отец, едва получив развод, снова женился. А моего сына поместил в клинику. Мой Альберт никому не нужен. Кроме меня. Но мне его не отдадут никогда. Ведь я – химера. Можно ли такому чудовищу доверить воспитание полноправного гражданина Америки! Если вы так думаете, вы, несомненно, не американец, а человек второго сорта.

Евгения коротко и зло рассмеялась. В ее глазах страдание смешалось с ненавистью. И это была жуткая, пугающая смесь.

- Никогда не был человеком второго сорта, - заметил Фергюс. – Впрочем, человеком тоже. Слава Великой Эльфийке! И, кстати, ничего нового о людях я сейчас не узнал. Всегда знал, что это ужасные существа.

Он говорил с Евгенией, не боясь быть услышанным ею. Женщина опустила голову на стол. Переполнявшие ее чувства превысили меру отпущенных ей душевных сил. И она потеряла сознания.

Но Фергюс забыл о внуке, который все это время безмятежно жевал шоколад и внимательно слушал рассказ Евгении, мало что в нем понимая. Но деда он понял хорошо.

- Послушай, - спросил Альф, заинтересованно подняв голову. – Но если ты не человек, то кто же тогда?

Глава 3

- Начинается посадка на рейс номер...

Громогласно прозвучавшее под сводами аэропорта объявление спасло Фергюса от ответа на провокационный вопрос, заданный внуком. Сам Альф сразу же забыл о нем и подскочил со стула.

- Дед, пойдем! – закричал он. – А то опоздаем на самолет!

Вздрогнув, Евгения очнулась от его крика, прозвучавшего подобно иерихонской трубе. Она подняла голову, прислушалась. Доза коньяка, которую женщина выпила с кофе, была столь малой, что хмель за время короткого обморока исчез, бесследно растворившись в крови. Она виновато улыбнулась.

- А возьмете меня с собой? – спросила она мальчика, но обращаясь, несомненно, к Фергюсу. – Я к вам уже привыкла. Мне будет одиноко без вас.

- А то! – Альф почти приплясывал от возбуждения. Он схватил женщину за руку и потянул за собой. – Вставайте же! Мы с дедом будем очень рады вашей компании. Правда, дед?

Фергюсу не оставалось ничего другого, как подчиниться воле внука и кивнуть. Евгения просияла. И сразу стала необыкновенно красивой. Ей очень шло улыбаться и быть счастливой.

Они встали. Фергюс взял Альфа за одну руку, Евгения – за другую. Это вышло так, словно они были семьей, и по-другому не могло и быть. И Альф воспринял это как само собой разумеющееся. Живя с дедом, одиноким и замкнутым по натуре, он не знал ни своей матери, ни женской ласки, но доверился Евгении сразу и безоговорочно, как щенок, который, едва прозрев, выбирает себе хозяина раз и на всю жизнь.

Может быть, Фергюс и воспротивился бы этому, памятуя о своем решении расстаться с Евгенией еще в аэропорту Сиднея. Но в эту минуту ему было не до того. Они проходили мимо одной из стоек, где шла регистрация на рейс до Берлина. И он снова увидел Алву в окружении ее чемоданов, которые по мановению ее пальца один за другим ставил на весы все тот же хмурый долготерпеливый носильщик.

Фергюсу не понадобилось много времени, чтобы сопоставить все факты и понять намерения Алвы. В Берлине находилась резиденция главы Совета XIII эльбста Роналда, самого могущественного врага Фергюса. Несомненно, Алва увидела и узнала его. И сейчас она спешила в Берлин, чтобы рассказать о чудесном воскрешении эльфа, которого все считали погибшим. А ведь он, Фергюс, прожил все эти годы только благодаря этому заблуждению. Не говоря уже о его внуке, некогда приговоренному, вместе с матерью и отцом, к сожжению в жерле вулкана. Приговор Совета XIII страшен еще и потому, что он не имеет срока давности. А, следовательно, Альф по-прежнему находился в смертельной опасности.

- Будь ты проклята, Алва, - сквозь зубы пробормотал Фергюс.

На этот раз Алва не заметила их, и они благополучно дошли до VIP-зала, через который их провела на посадку коротко стриженная блондинка-стюардесса, напоминающая русский вариант американской куклы Барби. Она улыбалась, но глаза ее скучали. У всех троих были билеты в бизнес-класс, и им не пришлось расставаться, чего опасался Альф и на что втайне надеялся Фергюс. В почти пустом салоне они разместились в соседних креслах. Альф сразу же прилип носом к иллюминатору. Евгения, после недолгого возбуждения, снова почувствовала слабость, и, закрыв глаза, откинулась на спинку кресла, пережидая головокружение. Фергюс уже через пять минут притворился спящим. Полет был долгим, но он предвидел, что ему предстоит принять решение, на обдумывание которого потребуется, возможно, еще больше времени.

Через десять часов их ожидала пересадка в Сеуле. И почти столько же времени у них было до следующего рейса на Сидней. Всего около суток в пути. Пока Фергюс был уверен только в

одном – на этот раз австралийский материк так и останется для него и его внука *terra incognita*. Что бы ни случилось, но они не должны в конце своего путешествия оказаться в Сиднее.

Теперь Австралия ассоциировалась у Фергюса с тревожащим его призраком Алвы, за которой вырастала грозная, пусть пока еще тоже призрачная, фигура эльбста Роналда, главы Совета XIII.

К Фергюсу вернулась его былая подозрительность. Сам он называл ее интуицией, которая не раз уберегала его от всевозможных бед.

- Думай, Фергюс, думай, - мысленно повторял он раз за разом на протяжении нескольких часов, словно подстегивая себя.

Как обычно в такие минуты напряженного размышления, его кровь начала пульсировать редкими толчками, глаза померкли, звуки окружающего мира превратились в отдаленный монотонный гул. Мысли в голове Фергюса были подобны стае встревоженных надвигающейся морской бурей олуш, возникая и исчезая так же стремительно.

В таком состоянии Фергюс был плохим собеседником, а, вернее, никаким. И Евгения в этом очень скоро убедилась. На все ее вопросы эльф отвечал неопределенными жестами и маловразумительным бурчанием. Женщина уже было встревожилась, решив, что чем-то его обидела. Но Альф успокоил ее.

- Дед думает, - внушительно произнес он и приложил палец к губам. – Ему нельзя мешать! Вам нравятся приключенческие фильмы?

- Очень, - улыбнулась Евгения.

И почти весь полет они не отрывались от экрана телевизора, просматривая один фильм за другим. А в перерывах азартно обсуждали выпавшие на долю героев испытания и то, как они их мужественно преодолевали.

- А помните, как он сказал? – спрашивал Альф. И произносил, подражая интонации персонажа: – «Ну что, сразу хочешь умереть или помучиться?»

И Евгения подхватывала в тон:

- «Лучше, конечно, помучиться». Да, что и говорить, Восток – дело тонкое!

- «Сухов, говоришь?.. Сейчас мы посмотрим, какой ты Сухов!»

И они оба закатывались от смеха. Но тут же спохватывались, что столь шумным проявлением эмоций мешают Фергюсу думать, и начинали зажимать себе рты и жестами призывать друг друга к молчанию. В результате это вызывало новый приступ смеха. А заканчивалось все тем, что они решали начать просмотр нового фильма, поскольку Фергюсу нужна тишина. Фильмы они смотрели в наушниках.

Незадолго до посадки эльф присоединился к ним. Он уже знал, что будет делать после того, как самолет приземлится в аэропорту Сеула. План был дерзкий и трудноосуществимый. И, к сожалению, не все в нем зависело от него, Фергюса. Главную скрипку должен был играть другой. И это его беспокоило. Но не настолько, чтобы омрачить его настроение, заметно улучшившееся после того, как он нашел спасительный для них с Альфом выход.

Прояснившимися глазами он взглянул на внука и Евгению. Они радостно улыбались друг другу и о чем-то оживленно перешептывались, как будто стали за время полета лучшими друзьями.

И Фергюс внезапно понял, что у него есть еще один повод для беспокойства.

Международный аэропорт Инчхон, расположенный в 70 километрах от города Сеул, бывшего вот уже шесть столетий столицей Южной Кореи, считался одним из крупнейших в мире. Его строили спешно, специально к чемпионату мира по футболу, и для этого соединили между собой два абсолютно заброшенных острова Йонджондо и Йоньюдо, лежавшие в Желтом Море. Для пассажиров, вынужденных ждать свой рейс, здесь предусмотрели все: для плоти – рестораны и кафе с корейской и западной кухней, а для души - концерты симфонических оркестров и современных корейских певцов, и даже музеи. Но главной достопримечательностью аэро-

порта, по мнению Фергюса, были настоящие сады с альпийскими горками, соснами и кактусами.

Однако сейчас ему было не до любования красотами природы, да еще и созданной руками человека. Поэтому он сразу направился к выходу из аэропорта. Следом послушно шли Альф и Евгения. Они разговаривали. Вернее, Альф засыпал женщину вопросами, а она отвечала.

- Имей в виду, что на русском языке произносить «Сеул» неверно, - объясняла Евгения мальчику. – Это неправильное прочтение с латинской транскрипции. Правильно будет «Соуль». Но мы, русские, уже слишком привыкли к Сеулу, чтобы что-то менять, даже в своем произношении. Да и вообще мы очень неохотно что-то меняем в своей жизни.

До Сеула, или, по версии Евгении, Соуля можно было добраться на аэроэкспрессе, автобусе, такси. Сразу около здания аэропорта стояли автобусы с надписями «Хилтон», «Хайят», «Кореана», «Континенталь». Это были всемирно известные отели. Но Фергюс равнодушно прошел мимо. Они сели в такси и он буркнул:

- Hotel Fraser Suites Insadong.

- Я бы вам не советовал селиться в таком отеле, - презрительно скривился таксист с широким и лоснящимся, словно намащенный блин, лицом, на котором хитро блестели узенькие щелочки глаз. Видимо, он работал на конкурентов этого отеля, поставляя им несведущих туристов. – Дело, конечно, ваше, но...

Фергюс, не вступая в пререкания, бросил на него всего один взгляд, но этого оказалось достаточно, чтобы таксист не открывал рта уже до самого отеля. А принимая плату за проезд, часто и низко кланялся, но все так же молча, что очень забавляло Альфа и Евгению.

Отель Fraser Suites Insadong располагался поблизости от главного королевского дворца Кенбоккуна и храма Jogyesa Temple. Именно это и предопределило выбор Фергюса, который предпочитал старину во всех ее проявлениях новомодным веяниям современной цивилизации.

Они взяли два номера на одном этаже, дверь в дверь. Как-то само собой, почти без слов, было решено, что оставшееся до отлета в Сидней время они проведут вместе, осматривая достопримечательности Сеула. Вернее, это еще в самолете обсудили и пришли к согласию Альф и Евгения, а Фергюс ничего не возразил, когда ему об этом сообщили.

Он стоял у окна просторного трехкомнатного номера отеля, из которого открывался панорамный вид на хаотично застроенный с точки зрения европейца город. Размышлял. Ему очень не хотелось оставлять Альфа на несколько часов вдвоем с Евгенией, в конце концов, они были едва знакомы с этой женщиной, но другого выхода он не видел. Брать внука туда, куда он собирался, было неразумно, учитывая цель этой поездки.

В дверь номера робко постучали. Альф вскочил с кровати, на которой он лежал, набираясь сил перед предстоящей экскурсией, подбежал к двери и распахнул ее с радостным возгласом. Вошла Евгения. Она уже приняла душ и переделалась, сменив дорожный брючный костюм на длинный сарафан с крупными зелено-желтыми цветами. И, словно чудом, преобразилась, став настоящей русской красавицей, одной из тех, которых Фергюс видел на картинах Брюллова, Боровиковского, Венецианова, Кипренского, Кустодиева в художественных музеях Москвы, когда иногда посещал их в сопровождении внука. Почему-то ему вдруг вспомнилась картина Бориса Кустодиева «Русская Венера», где художник изобразил во всей красе ее пышной плоти обнаженную женщину, и эльф даже покраснел от смущения. Впервые за многие годы в его мысли о представительнице другого пола вкралась эротическая нотка. Он попытался убедить себя, что восхищаться женской красотой не предосудительно, но это вышло как-то неубедительно. И Фергюс нахмурился, усилием воли отгоняя прочь наваждение.

Евгения с тревогой посмотрела на него. Она каким-то образом умела чувствовать малейшие изменения настроения Фергюса.

- Что-то не так? – спросила она. – Вам не понравился мой русский сарафан? Я могу переодеться.

- Он вам очень идет, - возразил Фергюс и принудил себя улыбнуться, чтобы ободрить женщину. – Вот только не знаю, насколько он подойдет для экскурсии в храм Понунса, которую я хотел вам с Альфом предложить. Мне кажется, вам должно понравиться. Храм был сооружен еще в семьсот девяносто четвертом году от Рождества Христова монахом Ёнхи. А в одна тысяча шестьсот девяносто втором году двое из его послушников, Сосан и Самен, собрали целую армию монахов и повели их на войну с японцами. В память об этом событии каждый год в день рождения Будды сотни паломников зажигают в храме Понунса свои фонарики.

- И когда отмечается день рождения Будды?

- Во всех странах Восточной Азии, кроме Японии - в восьмой день четвертого месяца по китайскому календарю.

- То есть сегодня фонариков не будет, - с нарочитым сожалением произнесла Евгения. – Тогда стоит ли идти в этот храм? Кроме того, я думаю, Альфу это будет не очень-то интересно. Равно как и королевская гробница Jongmuo, в которой похоронены почти все древние корейские короли, кроме двух, кажется. Это я на всякий случай предупреждаю.

- Это точно, - охотно подтвердил Альф.

- Тогда могу предложить вам посетить Дворец Кёнбоккун, иначе еще называемый «Дворец лучезарного счастья». Он был построен в четырнадцатом веке основоположником долго правящей в Корее династии Чосон королем Ли Сон-Ге. Мифические животные, установленные по периметру и на крыше дворца, охраняют его от злых духов. Входят в него через ворота Кванхамун – «Ворота лучезарных перемен».

- Слишком много лучезарности, - запротестовала Евгения. – Мы можем ослепнуть. Так ведь, Альф?

- Запросто, - поддержал ее мальчик. – А нет ли чего менее помпезного, дед? Как ты сам говоришь, ближе к природе?

- Есть, - вздохнул Фергюс. – Океанариум, Эверлэнд с зоопарком и ботаническим садом, водный парк «Карибский залив». Вам достаточно на один день?

- Более чем, - кивнула Евгения. – Но одно непонятно. Почему – нам? Разве вы...

- К сожалению, - буркнул Фергюс. – Вынужден лишиться себя такого удовольствия. Если вы не возражаете провести этот день с моим внуком.

- Буду счастлива, - просто сказала Евгения. – Поверьте.

И Фергюс ей поверил. Для этого ему даже не надо было читать ее мысли. Достаточно было посмотреть на сияющие глаза женщины.

Альф тоже не возражал. Фергюс отметил это с неожиданно кольнувшей его сердце ревностью.

- И все-таки, что будете делать вы? – спросила Евгения. – Я чувствую себя виноватой, лишая вас внука, даже на несколько часов.

- И напрасно, - ответил Фергюс. – У меня есть одно важное дело. Я вернусь вечером. И заранее приглашаю вас на тихий, почти семейный, ужин в ресторан. Если, конечно, вы не предпочтете Уолкер-хилл шоу - традиционные корейские танцы, которые завершаются величественным европейским ужином.

- Тихий семейный ужин – это то, о чем я только могла мечтать, - произнесла Евгения.

И Фергюс прикусил язык, мысленно обругав себя за необдуманную болтливость и неосторожность.

Глава 4

Сеул населяло более десяти миллионов человек. Но Фергюсу был нужен только один, и он жил где-то на окраине города, в одном из тех районов, которые во всех мегаполисах мира назывались трущобами. Найти его было непростой задачей. Звали его Хьеон Ли, и он был человеком только наполовину. Его мать забеременела от пэн-хоу и умерла при родах. А младенец выжил. И вырос, не зная, что он бастард. Он не знал этого до двадцати пяти лет, и успел даже обзавестись семьей. Жена родила ему двух детей, девочку и мальчика.

К тому времени, когда младшему из его детей, мальчику, исполнился один месяц, Хьеон Ли уже знал, что он наполовину пэн-хоу. Но все, кто окружал Хьеона Ли, даже жена, называли его человек-дерево или древесным человеком. Его кожа на теле, особенно на руках и ногах, поросла бородавчатыми, как древесная кора, наростами.

И это было еще не самое страшное. Девочка родилась похожей на мать. А сын, которого назвали Меонг, что в переводе с корейского означало «светлый, ясный», получил в незавидное наследство гены отца.

Хьеон Ли и Меонг были бастардами, один наполовину, второй на четверть духами природы. Они жили среди людей, и то, что с ними случилось, стало известно всем. О них писали в средствах массовой информации, их, как диковинных существ, изучали ученые и медики. Так было, пока не стерлась новизна события, а потом всеобщий интерес к ним пропал, а вместе с ним и средства к существованию. И только Фергюс, узнав об этом, взял их под свое покровительство. Семья Хьеона Ли не голодала. Меонг рос бойким и смышленным мальчиком. Однако это не имело значения для их жены и матери. Однажды, устав от жизни с чудовищами, как она называла своего мужа и сына, Тэ Ли сбежала от них вместе с дочерью. Когда Фергюс сказал, что найдет их, пусть даже на краю света, и заставит вернуться, Хьеона Ли устало попросил его не делать этого.

- Каждый имеет право на счастье, - сказал он эльфу. – Она выходила замуж за человека, а оказалось, что за пэн-хоу. Получается, я обманул ее. Она несчастлива со мной. Что из того, что я ее люблю? Я прощаю ее. Прости и ты мою Тэ, повелитель Фергюс!

Эльф, услышав эти слова, смертельно побледнел и ушел, ничего не сказав. С тех пор прошло семь лет. Меонг был почти ровесником Альфа.

Возле гостиницы Фергюса поджидало то же самое такси, на котором они приехали сюда. Водитель, имевший неосторожность вызвать неудовольствие Фергюса, покорно следовал его безмолвным указаниям. Увидев подходившего эльфа, он торопливо выбрался из салона и предупредительно открыл перед ним дверцу. Его глаза, еще недавно такие веселые и наглые, сейчас были пустыми и мрачными, словно в них поселилась ночь.

- Твое имя? – бросил Фергюс, усаживаясь на заднее сиденье.

- Сеунг, господин, - почтительно ответил тот. - Сеунг Ким из города Кимхэ.

- Твоя биография меня не интересует, - нахмурился Фергюс. – Будь краток, и отвечай только «да» или «нет» на мои вопросы. Ты хорошо понял?

- Да господин.

- Ты слышал что-нибудь о древесном человеке?

- Да, господин.

- Ты знаешь, где он живет?

- Да, господин.

- Расскажи подробнее!

- Его лачуга прячется в Сеульском лесу, который раньше называли королевскими охотничьими угодьями. Там, где сливаются река Ханган и ручей Чуннанчхон. Глухое место. Даже туристы опасаются туда ездить. И полиция не советует.

- Это похоже на правду, - задумчиво пробурчал Фергюс. – А если так... В путь, Сеунг! Мне нужно с ним встретиться, и срочно.

- Да, господин.

Водитель включил двигатель, и автомобиль тронулся с места. Сеунг Ким был похож на манекен, заменивший человека на водительском кресле, безмолвный и бездушный. Но машину он вел уверенно и спокойно, как будто в его мозгу был установлен радар, позволявший ему лихо маневрировать в густом потоке транспорта, заполонившем дороги мегаполиса.

Сеульский лесной парк представлял собой настоящий природный оазис посреди большого и шумного города, площадью менее полутора квадратных километров. Здесь обитали олени, лани, белки, кролики и много других диких животных, в пруду водились утки. Он был открыт для бесплатного посещения круглый год. Но мало кто из туристов знал о том, что в глубине леса, посреди болот, которые сохранили здесь как образец естественной экологической среды, стоит жалкая покосившаяся лачуга, в которой живет древесный человек со своим сыном. Ничем подобным не могли похвастать знаменитый на весь мир Центральный парк в Нью-Йорке или не менее известный Гайд-парк в Лондоне. Однако ни администрация самого парка, ни власти города Сеул этим не гордились. Наоборот, пытались замолчать этот прискорбный, с их точки зрения, факт. А то, о чем не говорят, того не существует. Древесный человек был тем скелетом в шкафу, который есть в каждой старинной семье и которого стыдятся все члены семьи, понаслышке знающие о нем.

Фергюс придерживался иного мнения. Он даже испытывал почти дружескую симпатию к Хьеону Ли. Тот, несмотря на все выпавшие на его долю испытания, был скромнен и вежлив, как истинный кореец, и не озлобился на жизнь. Люди могли бы им гордиться. Впрочем, как и пэн-хоу. Но ни тем, ни другим не было до него никакого дела. Для всех он был чужим. Люди и духи отвергли его и забыли о нем.

Только Фергюс помнил. И сейчас у него было дело к древесному человеку. Очень важное дело, от которого, возможно, зависела жизнь его самого и жизнь его внука.

Такси свернуло с широкой асфальтированной дороги на узкую дорожку, потом на тропу со следами колес, а затем путь автомобилю преградили густые заросли и пирамидальные деревья.

- Дальше только пешком, господин, - не поворачивая головы, сказал водитель. – Вас проводить?

- Жди меня здесь, - буркнул Фергюс и вышел из автомобиля.

Еле заметная тропинка вилась между деревьями. Она скорее угадывалась, чем существовала в действительности. Однако Фергюс пошел по ней. Лес – почти родной дом для леших, но и эльфы неплохо в нем ориентируются, особенно лесные. Фергюс был эльф, пусть и не лесной и давно не выбиравшийся из города на природу. Но генетическая память предков продолжала жить в нем. Может быть, человек никогда не нашел бы жилища Хьеона Ли. Но Фергюс довольно быстро дошел до него.

Жилище древесного человека трудно было назвать домом. Скорее, это была лачуга, сложенная из стволов упавших от ветра деревьев, с крышей, покрытой пожелтой листвой. Дверь заменяли длинные ветки с листьями, спускавшиеся с притоки наподобие жалюзи. Они колыхались от ветра, издавая сухой звук, похожий на шипение рассерженной змеи. Это могло показаться предупреждением незванным гостям. Мало кто из посторонних рискнул бы войти в эту хижину.

Фергюс вошел, не замешкавшись ни на одно мгновение. Внутри хижины он увидел грубо сколоченный из досок стол и несколько табуретов, которые при ближайшем рассмотрении оказались обыкновенными массивными пнями. На одном из них, лицом ко входу, сидел Хьеон Ли. Его руки и ноги напоминали спутанные корни растения, лицо покрывали бородавчатые

наросты, подобные грубой, потрескавшейся от времени коре дерева. И только глаза его были человеческими. И неожиданно умными.

Когда Хьеон Ли узнал эльфа, то глаза его, прежде настороженные, радостно засияли. Было похоже на то, будто в темном дупле дерева вспыхнули крошечные огоньки пламени.

- Приветствую тебя, повелитель Фергюс! – произнес Хьеон Ли. – Проходи. Мой дом – твой дом. Ты знаешь это.

- Я знаю это, Хьеон, - ответил Фергюс. Он прошел, мягко ступая по песку с мелкой галькой, который служил в хижине полом. Присел на пень, стоявший напротив хозяина дома, по другую сторону стола. И оказался лицом к лицу с древесным человеком. Их глаза встретились.

- Ты единственный, кто не отводит в страхе глаза от моего лица, - сказал Хьеон Ли. – Я всегда удивлялся этому.

- Ты привык к общению с людьми, - в голосе эльфа прозвучала едва заметная презрительная нотка. – Того, кто хотя бы однажды увидел очокочи или кобольда, твой вид уже не испугает.

- Неужели они еще ужаснее нас, пэн-хоу? – вслух изумился Хьеон Ли. Но глаза его лукаво блеснули. – В таком случае, повелитель Фергюс, позволь сравнить тебя с сорокой. Это птица, которая, по корейским поверьям, приносит хорошие вести.

Фергюс неопределенно пожал плечами, так что нельзя было понять его отношения к тому, что его сравнили с сорокой. И перевел разговор на другую тему.

- Как твоё здоровье, Хьеон?

- Я бы сказал, что цветущее, - древесный человек поднял свои руки и потер одну об другую. Раздался протяжный скрип соприкоснувшихся от порыва ветра деревьев. – Но врачи, которые время от времени исследуют меня, утверждают обратное. По их мнению, я высыхаю не только снаружи, но и изнутри, как растение, которому не хватает влаги. И со временем я могу превратиться в окаменелость. Так что не задерживайся со следующим визитом ко мне. Помнится, в последний раз мы встречались с тобой лет шесть тому назад.

Фергюс пропустил скрытый упрек мимо ушей, сделав вид, что не понял его.

- Эти люди, - спросил Фергюс, уже не скрывая своего презрения, - они так и не могут понять, что с тобой произошло?

- Они утверждают, что это из-за того, что я поранился, когда брился, - не менее пренебрежительно хмыкнул древесный человек. – И занес в рану папилломавирусную инфекцию. И это бы еще полбеды. Но, оказывается, выяснили они, проведя свои многочисленные медицинские исследования, у меня редкий генетический дефект, при котором иммунная система не подавляет активность этого вируса. В результате сочетания папилломавирусной инфекции и этого генетического дефекта я и начал покрываться наростами на теле, похожими на древесные отростки.

Фергюс все это хорошо знал. Накануне он просмотрел копии медицинских карт Хьеона Ли и его сына Меонга, которые стоили ему сто тысяч долларов. Но сейчас он делал вид, что внимательно слушает.

- Как ты думаешь, повелитель Фергюс, если бы я сказал этим ученым мужам, что я – наполовину пэн-хоу, это изменило бы их диагноз?

Древесный человек произнес это с насмешкой, но глаза его испытывающе смотрели на Фергюса.

- Думаю, что нет, - сухо ответил Фергюс. – Скорее всего, они отправили бы тебя в сумасшедший дом, сочтя, что ты сошел с ума от своей болезни. А заодно и Меонга. У вас с ним одно будущее, Хьеон. К моему величайшему сожалению, поверь.

Упоминание о сыне всегда было болезненным для Хьеона Ли. Древесный человек винил себя в его бедах. В хижине раздался громкий протяжный скрип, который издает ломающееся дерево. Таким образом Хьеон Ли выразил свой гневный протест.

- При чем здесь мой сын? – воскликнул он. – Говори, эльф, не молчи! Я сразу понял, что ты пришел с недобрыми вестями, как только увидел тебя!

- Меонг умирает, как и ты, Хьеон, - тихо сказал Фергюс, опустив голову. – Я узнал об этом недавно. Врачи вынесли свой приговор. Они бессильны против этой болезни. Ни люди, ни духи не могут вас спасти. Поверь, я не пожалел бы денег, если бы существовал хотя бы один-единственный шанс. Пусть даже на бесконечность. Но вы обречены. Мне очень жаль.

Хьеон Ли молчал. В тишине было слышно его тяжелое хриплое дыхание. Только оно выдавало чувства, которые сдерживал древесный человек. Наконец он произнес:

- Ты пришел только за этим? Чтобы высказать свои соболезнования?

- Помнишь, ты однажды сказал, что выполнишь любую мою просьбу? – вопросом на вопрос ответил Фергюс. - В благодарность за то, что я сделал для тебя и твоего сына.

Он дождался, пока Хьеон Ли кивнул. И только после этого продолжил:

- Пришло время выполнить это обещание.

- Что ты хочешь от меня? – спросил Хьеон Ли.

И Фергюс сказал.

Выслушав его, Хьеон Ли опять надолго замолчал. Когда эльф уже начал терять терпение, он неожиданно услышал:

- Ты помнишь, у меня была жена. И дочь. Они испугались и предали нас с Меонгом. Но мы их все еще любим. Они не должны ни в чем нуждаться.

- Я найду их и позабочусь о них, как до этого заботился о тебе и о Меонге, - пообещал Фергюс. – Это все, что ты хочешь потребовать от меня в обмен на свою услугу?

- Это больше того, на что я мог надеяться, - ответил Хьеон. – Ты, как всегда, очень щедр, повелитель Фергюс.

Возможно, Фергюсу это только почудилось, но в голосе Хьеона он расслышал осуждение. Для самолюбивого эльфа это было как брошенная в лицо перчатка. Однако он сумел подавить свой гнев.

- На рассвете, на выходе из леса, вас будет ждать автомобиль. Водителя такси зовут Сеунг Ким. Он будет выполнять все твои приказы. Когда он тебе станет не нужен, расплатись с ним и отпусти.

Фергюс достал из внутреннего кармана пальто из тонкой шерсти, которое было на нем одето, толстую пачку денег. Это были воны, местная валюта. Бросил ее на стол перед Хьеоном Ли.

- Это для водителя и на прочие мелкие расходы. Все остальное уже оплачено.

Фергюс вышел, слыша за своей спиной только шелест сухих ветвей. Хьеон Ли не попрощался с ним. Он как будто погрузился в раздумья, в которых не было места эльфу с его прозаическими житейскими проблемами. А, быть может, это только казалось. Понять что-либо при взгляде на шероховатую треснувшую кору, которая заменяла древесному человеку лицо, было невозможно.

Но как только эльф вышел, в темном углу хижины раздался шорох, словно там завопилась большая крыса. Хьеон Ли сразу очнулся от своих раздумий.

- Сынок, выходи, хватит прятаться, - сказал он с улыбкой в голосе. – Чужой дядя уже ушел.

От стены отделилась тень и приблизилась к нему. Это был мальчик лет семи, худенький и невысокий, с круглым, как полная луна, личиком, которое портили древесные наросты на щеках и за ушами. Но вся остальная кожа у него была чистая, нежная, словно у девочки, и чуть смугловатая. Лишь в некоторых местах уже появились темные пятнышки, предвещающие будущие бородавки.

Хьеон Ли подхватил сына и посадил себе на колени. Мальчик прижался к его груди. Сердце отца билось ровно и редко, пять-семь ударов в минуту. Этот тихий ритмичный звук

успокаивал и прогонял страх, который мальчик чувствовал почти всегда. Он боялся всего – солнечных лучей и ночной темноты, падающих капель дождя, крика птиц, ветра, проникающего сквозь щели хижины, людей. Страх был привычен и неотделим от его существования, кроме тех редких минут, когда отец ласкал его, крепко обняв и не замечая, что царапает, иногда до крови, тонкую кожу ребенка своей шероховатой кожей и узловатыми руками.

- Меонг, - тихо произнес отец, - а ты бы хотел немного попутешествовать?

Мальчик в своей жизни еще никогда не отдалялся от хижины, в которой они жили, дальше, чем на полсотню метров. Все, что лежало вне этой крошечной территории, казалось ему неведомым и угрожающим. Когда он выходил из хижины, то малейший шум или треск ветвей приводил его в состояние почти панического ужаса, и он стремглав бежал домой. Но сейчас Меонг, чувствуя, что такой ответ понравится отцу, храбро заявил:

- Да, - и тут же сделал поправку: - Но чтобы к ночи мы успели вернуться домой. А вдруг пойдет дождь, и мы промокнем?

- Нет, Меонг, наше с тобой путешествие – это очень далеко, - возразил ему отец. – И надолго. Но это совсем не страшно. А когда... Если будет страшно, я скажу тебе, и ты закроешь глаза. А потом снова откроешь – и все страшное закончится. Навсегда. И нам с тобой уже не надо будет бояться. Никогда и ничего. Правда, это будет замечательное путешествие?

- Да, - покорно кивнул мальчик. Он никогда не спорил с отцом. Вдруг его взгляд упал на пачку денег, лежавшую на столе. Он протянул руку и дотронулся до нее, словно не поверил своим глазам. Потом спросил: - Папа, это наши?

- Да, - ответил Хьеон Ли. Его взгляд, только что бывший мечтательным и светлым, изменился, стал сумрачным. – Я заработал их, сынок. Это уже наши деньги.

- Папа, мы стали богатыми? – с затаенной надеждой спросил мальчик.

- Да, сынок, - подтвердил отец. – Очень богатыми.

- Тогда..., - мальчик запнулся, но все-таки закончил фразу: - Может быть, мы пошлем эти деньги маме?

- Зачем? – голос отца стал твердым, как сухое дерево.

Но мальчик впервые не испугался. И договорил:

- Тогда мама с сестрой смогут вернуться к нам. И мы снова будем жить вместе. Папа!

В этом тихом возгласе было столько отчаяния, что сердце древесного человека невольно смягчилось, помимо его воли.

- Ты прав, сынок, - сказал он, передумав сердиться. – Мы так и сделаем. Как только вернемся из путешествия. Твоя мама и твоя сестренка приедут к нам. И мы уже не будем с ними расставаться. Никогда...

Он говорил и говорил, покачивал сына на своих руках, словно убаюкивал его, рассказывая сказку. А тот и в самом деле уже почти засыпал, его глаза слипались, легкая дремота овладевала им, начинал сниться сон...

И это был хороший сон, потому что Меонг улыбался.

Глава 5

Алва летела в Берлин не на самолете авиакомпании Lufthansa, а на крыльях мести. Она находилась в лихорадочном возбуждении, предвкушая будущую расправу над Фергюсом, а, главное, над тем мальчишкой, которого она увидела рядом с ним в московском аэропорту. Поэтому два часа полета промелькнули для нее незаметно.

Международный аэропорт Berlin Brandenburg International, по обыкновению, вызвал у Алвы раздражение. Она все еще считала его выскочкой, не по заслугам, а только по злой воле городского совета Берлина, заменившим старые добрые аэропорты Тегель и Шёнефельд, к которым она привыкла, и от которых ей, как и всем иностранцам и немцам, пришлось откаться уже лет десять тому назад. С некоторых пор Алва начала предпочитать старинное новомодному. Это произошло после того, как ее муж, Лахлан, стал членом Совета XIII. Изменение социального статуса мужа повлекло за собой перемену привычек его жены. Алва позабыла о том, что когда-то пела в дешевом второразрядном парижском *cafe chantant*, и приобрела вид respectable женщины. Но, надо отдать ей должное, в душе она осталась прежней беспутной Алвой. Однако вместо множества любовников, которых она имела раньше, у нее остался только один, кобольд Джеррик. И не потому, что она устала от бесчисленных связей или любила Джеррика. Она его смертельно боялась. Это объясняло ее постоянство.

В аэропорту Алва взяла такси. Резиденция главы Совета XIII, в которой обитал также и кобольд Джеррик, находилась в самом центре Берлина. Автомобиль миновал обломки разрушенной Берлинской стены, некогда разделявшей Германию на две страны. Затем площадь Жандарменмаркт, которая считалась самой красивой в городе благодаря Французскому и Немецкому соборам. Потом площадь Александерплац с Часами мира и телебашней. И только после этого он оказался на одной из тех тихих улочек, о существовании которых в современных мегаполисах узнаешь совершенно случайно. Здесь, в густой тени деревьев, скрывался старинный особняк, в котором Алва надеялась найти поддержку своим злобным мстительным планам.

Было время, когда Алва часто посещала этот особняк. Сначала по прихоти эльбста Роналда, затем как всеми признанная любовница кобольда Джеррика. Но в последние год-два пыл кобольда поутих, либо у него стала отнимать слишком много времени его тайная борьба за власть, которую он вел против главы Совета XIII. И визиты Алвы становились все реже и реже. В последний раз она была в этом особняке полтора месяца тому назад. И не была уверена, что сейчас ее примут с радостью. Но это ей было почти безразлично. Рад ей будет Джеррик или не рад, но ему придется выполнить ее просьбу. Или требование, если дело дойдет до этого. Так думала Алва. Так она была настроена, выходя из такси. Возбужденная своими мыслями, она даже забыла дать водителю чаевые, на что обычно в последние годы не скупилась, покупая если не уважение, то благодарность окружающих.

Алва подошла к кованой ограде, отделявшей особняк от улицы, и нажала на кнопку переговорного устройства. Об этой кнопке знали только избранные. Она пряталась в пасти дракона, серебряная голова которого была прикреплена к прутьям решетки, выполненным в форме дубовых листьев. Эльбст питал слабость к символам. С древних времен дубовые листья символизировали бессмертие и стойкость. И только много времени спустя к ним добавилась верность. Подумав об этом Алва презрительно фыркнула. Они часто смеялись с Джерриком над возрастающей с каждым годом сентиментальностью дряхлеющего эльбста Роналда. Как правило, в постели, после любовных игр. Джеррик был неутомимым любовником и часто доводил Алву до изнеможения. Но это было лучше того, что делал с ней эльбст, превращая ее в бездушный кусок мяса, который он только что не пожирал, утоляя свои противоестественные сексуальные потребности...

- Кто? – прервал мысли Алвы голос, раздавшийся из пасти дракона. Он был незнаком Алве. Эльбст или кобольд снова сменили секретаря, видимо, чем-то не угодившего им. Это происходило часто, поскольку угодить обоим сразу не смог бы даже ангел, спустись он, паче чаяния, на землю.

- Эльфийка Алва, - ответила она.

- К кому?

- К кобольду Джеррику.

- Тебе назначено?

- Пожизненно, - насмешливо произнесла она. – И поторопись. А то Джеррик будет недоволен.

- Жди, - буркнул голос.

Ждать пришлось долго. Или просто непривычно долго для нее. Алва привыкла, что ворота распахиваются почти мгновенно, едва она произносит свое имя. Алва уже почти бесилась от ярости, когда ее впустили.

Джеррик принял ее в своем рабочем кабинете. Но Алву это не обескуражило, так как она хорошо знала, что потайная дверь из этого кабинета ведет прямо в спальню кобольда. Она много раз ходила этим путем.

Расположившись за массивным столом из розового дерева, которое произрастало только в Бразилии и Гватемале, кобольд с озабоченным видом перебирал какие-то бумаги. Его огромные черные губы отвисали почти до груди, иногда он плотоядно облизывал их огромным шершавым языком. Увидев Алву, кобольд ухмыльнулся, обнажив покрытые ржавым налетом кривые клыки.

- Привет, дорогуша, - просипел он тоненьким голоском. – Рад тебя видеть.

За то время, что они не виделись, Джеррик ничуть не изменился. Он был все тем же безобразным карликом с морщинистой кожей ярко-красного цвета. По тому жадному взгляду, который он бросил на нее, Алва поняла, что она все так же сексуально привлекательна для него. Это ее обрадовало. Но она сумела скрыть свои эмоции.

- А я уже начала сомневаться, дожидаясь под твоими дверями, - заявила она, усаживаясь вместо стула на край стола и закидывая ногу на ногу. При этом ее короткая юбка стала почти невидимой, обнажив роскошные бедра. Это было продумано Алвой заранее.

- Дурак секретарь не сразу мне доложил, - начал оправдываться Джеррик. При взгляде на бедра Алвы у него непроизвольно начала течь слюна изо рта по отвислым губам на бумаги, лежавшие на столе. Но он этого не замечал. – Новенький. Ничего не знает и не понимает.

И, понизив голос, он пояснил, как будто это все объясняло:

- Его взял Роналд. - И уже громко добавил: - Видимо, придется от него избавиться.

Алва улыбнулась.

- Если из-за меня, то не стоит. Я уже простила.

Она лицемерила, и они оба это знали. Но кобольд сделал вид, что поверил.

- Ты очень добрая, Алва, - польстил он эльфийке. И нежно погладил ее пышное бедро.

- Ошибаешься, - сказала она, убирая его руку. – И я немедленно тебе это докажу.

Алва знала, что если она удовлетворит похоть кобольда раньше, чем получит то, ради чего она пришла, то может ничего не получить взамен. Эльфийка вела хитрую игру.

- Ты уже доказала, - обиженно скривил губы кобольд. – Ты не добрая, ты жестокая. Какая муха тебя укусила, Алва?

- Я пришла к тебе по делу, Джеррик. Удовольствие потом.

Кобольд нахмурился. Его тон сразу изменился, стал раздраженным и злым.

- У меня и без того много дел, Алва. Я готовлюсь к заседанию Совета тринадцати. Голова идет кругом. Мы не могли бы поговорить о твоём деле после заседания?

Алва не стала спорить. Она произнесла только одно слово:

- Фергюс.

Джеррик посмотрел на нее с недоумением.

- Тебе явился его призрак?

- Ошибаешься, дорогуша, - передразнила его Алва. – Уж призрака я бы сумела отличить от живого духа. Я видела его в аэропорту Москвы, живого и здорового, всего несколько часов назад.

- И что тебя так испугало? – ухмыльнулся кобольд. – Что оживший эльф лишит твоего мозгляка-мужа места в Совете тринадцати?

- Что он лишит тебя головы, - с презрением взглянула на него Алва. – Как в свое время Грайогэйра. Или ты забыл? А, впрочем, зачем тебе голова! Ты ведь думаешь другим местом. А это такая мелочь, что на него даже Фергюс не позарится.

Алва умела быть очень злой, когда хотела этого. И беспощадной.

- Что же ты хочешь от меня? – хмуро взглянул на нее кобольд.

- Его головы, разумеется, - улыбнулась эльфийка. – Ты знаешь закон. Око за око. И так далее.

- У меня нет времени на это, - буркнул кобольд. – Это прошлое. Для всех он ушел к праотцам. Так пусть там и остается. Знала бы ты, над чем я сейчас ломаю голову, ты не пришла бы ко мне с такой ерундой. На кону судьба всего человечества! А ты пристаешь ко мне с каким-то жалким эльфом. *Elephantum ex musca facis*. Делаешь из мухи слона.

Но если кобольд намеревался смутить Алву, заговорив на древнем языке духов, который позднее переняли римляне, привлеченные выразительностью и лаконичностью его высказываний, а современные люди, назвав латинским, считали мертвым, то он ошибся. Несмотря на то, что духи, почти изъяв этот язык из повседневного общения, продолжали говорить на нем только в самые торжественные и патетические моменты своей жизни, подчеркивая их значимость, Алва, став женой члена Совета XIII, сочла необходимым изучить его. И теперь легко и едко парировала выпад Джеррика.

- Ах, да, я и забыла, что ты *amicus humani generis* – друг рода человеческого, - насмешливо произнесла Алва. – Но ты забыл одно правило, которому неукоснительно следовали наши предки. *Auferte malum ex vobis*. Исторгните зло из среды вашей. *Cave!* Остерегайся!

- Кажется, ты мне угрожаешь? – нахмурился кобольд.

- Я только предостерегаю, - ответила Алва. – *Dixi et animam levavi*. Я сказала и облегчила свою душу, успокоила совесть. Решать тебе. И отвечать, кстати, перед Советом тринадцати тоже. Пусть ты и не боишься его.

Кобольд задумался. Иногда он машинально почесывался, раздирая кожу в кровь там, где его особенно злобно кусали блохи. Тело кобольда было покрыто клочковатой шерстью, и от этих мелких тварей его не могли избавить никакие снадобья и заговоры. Сам он так привык к этому, что даже не замечал. Наконец он прервал молчание.

- Повторяю свой вопрос: что ты хочешь? Только давай обойдемся на этот раз без риторики и красивых словесных оборотов. Они не идут ни мне, ни тебе. Тебе, потому что ты и так красива, и своей красотой затмеваешь их. А мне... Мне потому, что я такой, какой есть, и лучше уже ни стану, какими бы погремушками я ни украсил себя.

Алва от души рассмеялась. Кобольд был безобразен, но умен и, несомненно, обладал чувством юмора. Именно это и привлекало Алву к нему. Во всяком случае, давало возможность не придавать слишком большого значения его отвратительной внешности.

Она взяла руку Джеррика и положила ее на свое бедро.

- Вот таким ты мне нравишься, Джеррик, - томно проворковала эльфийка. – Будь таким всегда, пожалуйста!

У Джеррика снова начала течь слюна из отвислой губы. Алва спохватилась, что дело еще не закончено. И поспешила заявить:

- Я хочу, чтобы ты отдал приказ задержать Фергюса и всех его сообщников. А меня назначил координатором этой операции. Я прослежу, чтобы твой приказ выполнили. И горе тому духу, который вздумает его проигнорировать.

- Уж не войну ли ты хочешь начать с беднягой эльфом? – пошутил кобольд. Но, заметив, что Алва начала хмуриться, успокоил ее: - Впрочем, мне все равно. Я издам такой приказ.

И его пальцы побежали по бедру Алвы, норовя очутиться между ее ног.

- Немедленно, - потребовала эльфийка, сильно сжав его пальцы ногами. – И вот что еще. Я слабое существо, а Фергюс очень опасен. Мне нужен телохранитель, который в случае необходимости смог бы защитить меня от Фергюса и подчинялся бы только мне. И слепо, без рассуждений. Добавь это в свой приказ. Желательно из рарогов.

- Зачем тебе связываться с рарогами? – возразил Джеррик. – Гномы намного дисциплинированнее и надежнее.

Алва знала это и сама. Рароги были беспокойным, кочевым народом, многие из них зачастую не знали даже, где они родились и кто их отец и мать. Чтобы прокормиться, они могли ограбить и даже убить. Но убить они могли не только за деньги, а даже из-за плохого настроения. И тут же забыть об этом, не мучаясь ни угрызениями совести, ни страхом за возможное возмездие. Но именно поэтому Алва сейчас и выбрала представителя этого племени. Эта черта характера рарогов могла пригодиться ей, когда она настигнет Фергюса. Не каждый согласится лишить ребенка жизни. Для рарога это пустяковое дело. Достаточно доплатить ему сверх обычной цены процентов десять. Но посвящать в эти подробности кобольда Алва не собиралась.

- С рарогами мне легче найти общий язык, - сказала она и, поддразнивая Джеррика, высунула свой язычок из алых губок, он затрепетал, словно бабочка.

- О, да, ты умеешь им пользоваться, - хмыкнул кобольд. Но он уже не протестовал. Продолжая одну руку держать между ног Алвы, второй он взял перо и написал несколько строк на белоснежном листе бумаги, лежавшем перед ним на столе. Буквы, которые он выводил, напоминали грязные кляксы. Закончив, он поставил лихой росчерк, состоящий из огромной буквы «Д» со множеством завитушек, и протянул лист Алве. – Это твоя охранная грамота. С этой минуты можешь считать себя специальным агентом Совета тринадцати.

Алва внимательно прочитала написанное кобольдом. И только после этого разжала колени. Пальцы Джеррика тут же скользнули в щель, образовавшуюся между ее ног. А сам он заурчал от удовольствия.

Для Алвы пришло время платить. Она знала, что ждет от нее похотливый кобольд, которому отказывали в интимной близости даже проститутки, настолько он был безобразен. Разумеется, если у них был выбор.

Алва встала со стола, медленно, расчетливо неторопливыми движениями, скинула с себя юбку и блузку и осталась в крошечных кожаных трусиках. Ее большие мягкие груди выпирали из чашечек кожаного бюстгальтера, словно пытаясь освободиться от их оков. Она подошла к кобольду, который продолжал сидеть в кресле, встала перед ним на колени, приникла губами к его огромному волосатому уху и замурлыкала французскую песенку о любви, которую в свое время с успехом исполняла в парижском *café chantant*. Глаза кобольда закатились под веки от удовольствия, а слюна обильно полилась из его черных отвислых губ, стекая эльфийке на груди.

Глава 6

Алва вышла из резиденции эльбста, пьяно покачиваясь. Джеррик утомил ее до полубесознательного состояния. Обычно он мог заниматься сексом сутками, придумывая все новые и новые, все более изощренные, способы удовлетворить свою неиссякаемую похоть. Но сегодня он спешил, и прервал их свидание, начавшееся на закате, уже к полуночи. Алва была рада этому. Не то, чтобы ласки кобольда были ей слишком противны, или чрезмерно болезненны, как это бывало с эльбстом Роналдом, но она тоже спешила. Ее подгоняло желание, которое было не менее сильным, чем сексуальный голод. И это было желание уничтожить Фергюса, но главное – того мальчишку, которого она увидела рядом с ним в московском аэропорту. Сына Лахлана, ее законного, пусть и не любимого, мужа.

Алва хорошо помнила тот день, когда узнала об этом. У нее было свидание с кобольдом. Они кувыркались в постели, и ничто не предвещало беды. Но потом Джеррик оставил ее ненадолго одну, потому что Фергюс потребовал немедленной встречи с ним. А когда кобольд вернулся, то, мелко хихикая, рассказал ей то, что сообщил ему эльф. Оказывается, Катриона, ее бывшая подруга, которую незадолго до того осудили, а чуть позже казнили за преступную связь с главным смотрителем маяка на острове Эйлин Мор, забеременела вовсе не от человека, а от ее, Алвы мужа.

Алва поверила без доказательств. Лахлан служил тогда премьер-министром Эльфландии и был начальником Катрионы. У людей это называется служебным романом, подумала Алва и в ярости скрипнула зубами, вспомнив, что это именно она рекомендовала только что получившему новую должность Лахлану свою подругу, скромницу Катриону. Пригрела змею на груди. И та, выбрав момент, ужалила ее в самое сердце.

- Шлюшка! – выдохнула Алва. Она до сих пор не могла простить Катрионе это предательство. Даже несмотря на то, что та давно уже поплатилась за свое коварство, сгорев в жерле вулкана по приговору Совета XIII. Это была ужасная казнь, но Алва была счастлива в тот день, когда все свершилось. Она даже отметила это событие, с аппетитом выпив чашку горячего шоколада в La Maison du Chocolat, том самом парижском кафе, где они когда-то познакомились с Катрионной. Это была своеобразная месть за ее прелюбодеяние.

Но радость была преждевременной. Потому что сын Катрионы и Лахлана остался жив, а он-то и был главной угрозой для нее. А ведь Джеррик клятвенно заверил ее, Алву, что приказал убить младенца, сразу же после того, как Алва обратилась к нему с этой просьбой. И рарог Мичура выполнил его приказ. Но это оказался обман, мистификация. Проклятый эльф Фергюс спас сына Катрионы, поскольку считал, что он чистокровный эльф и не должен умереть только из-за того, что его мать спуталась с человеком, будучи уже беременной от Лахлана. И этого слабоволия она Фергюсу не простит никогда. А мальчишку убьет. С помощью Совета XIII или своими собственными руками, если не выйдет иначе.

Алва ненавидела незаконнорожденного сына Лахлана по той простой причине, что он мог превратить ее нынешнюю шикарную жизнь в нищенскую. Это могло произойти, узнай о его существовании Лахлан и вздумай проявить о нем отеческую заботу. Никогда нельзя быть уверенным ни в чем, когда речь идет о голосе крови. Это Алва хорошо понимала. Она не могла иметь детей, после того, как в юности, случайно забеременев, избавилась от зародыша в клинике, не зная, кто его отец. И ей нечем было привязать к себе мужа помимо секса. Когда-то ей было это безразлично. Но с тех пор многое изменилось. Лахлан возвысился, став членом Совета XIII, а она, Алва постарела. Не настолько, чтобы пока всерьез беспокоиться об этом, но уже появились первые морщинки у глаз. А это грозные вестники будущей бури, словно мечущиеся над морем олуши.

Алва хорошо помнила тот путь, по которому она прошла - от певички в дешевом *safe chantant*, которую насиловали чуть ли не каждый день пьяные завсегдатаи или хозяин кабаре, до законной жены одного из самых всемогущих в мире духов природы эльфа. Это был тяжкий, смрадный, полный унижений, обид и боли путь. И она не хотела в конце своей жизни, совершив предначертанный круг, вернуться в исходную точку. А так бы и случилось, если бы Лахлан вдруг завещал все свое состояние не ей, а своему незаконнорожденному сыну. А ведь она рассчитывала пережить мужа и стать богатой вдовой...

- Алва! – раздался удивленный возглас.

Перед ней стоял Лахлан, и в глазах у него горел огонек презрения. Он хорошо понимал, что Алва могла делать в резиденции главы Совета XIII. Только благодаря ее близкой дружбе с эльбстом Роналдом и кобольдом Джерриком он, Лахлан, некогда работавший простым чиновником в административном аппарате Совета XIII, был назначен сначала премьер-министром марионеточного государства Эльфландия, а затем стал членом Совета, не имея никаких талантов или связей. Он соответствовал своей незаметной должности и внешне, будучи ниже среднего роста, с коротко подстриженными редкими волосами, крошечным острым носиком на узком лице, чем-то похожем на мышиную мордочку, и по своей духовной сути, родившись, по определению Алвы, обычным плебеем. Лахлан знал, что это правда, Алва права. И, по-своему, был ей даже благодарен. Своим роскошным телом жена проложила ему путь к вершинам власти. А, главное, позволила ощутить себя эльфом, который не зря прожил свою жизнь, сумев много сделать для своего народа.

Крошечный островок Эйлин Мор, расположенный невдалеке от западного побережья современной Шотландии, эльфы считали своей исторической родиной. Очертаниями он напоминал гигантскую каменную женщину, которую эльфы признали своей прародительницей. Их древние предания гласили, что Великая Эльфийка, давшая начало народу эльфов, не обратилась в прах, подобно другим, а окаменела, чтобы восстать из мертвых и защитить свой народ от бедствий, если настанет такое время.

И когда люди решили воздвигнуть на этом острове маяк, эльфы восприняли это как надругательство над честью Великой Эльфийки. И не избежать бы войны с людьми, если бы по настоянию эльфа Фергюса Совет XIII не выкупил остров Эйлин Мор у правительства Великобритании. Однако правительство объединенного королевства не могло иметь дела с частным лицом, продавая часть своей территории. Оправданием для сделки могли быть только государственные интересы, а, следовательно, диалог должны были вести государства. Так появилась Эльфландия, а с ней – должность премьер-министра, которую занял Лахлан. Поскольку внешне он мало походил на эльфа, то играть роль человека во взаимоотношениях с людьми было ему не трудно. Намного труднее было смириться с тем, что ему приходилось делить свою красавицу-жену с эльбстом Роналдом, а затем с кобольдом Джерриком. Но Лахлан преодолел и это. Попытка покончить жизнь самоубийством, предпринятая однажды от отчаяния, ему не удалась, и он смирился.

Лахлан много лет покорно сносил измены жены. Но, став членом Совета XIII, дал Алве недвусмысленно понять, что ситуация изменилась. И она поклялась, что будет ему верной женой. Связь с Джерриком в расчет не бралась, оправдываемая деловой необходимостью и страхом Лахлана перед всемогущим фаворитом эльбста Роналда. Однако со временем Алва начала скрывать и ее от мужа, пытаясь внушить уверенность, что верна ему. И Лахлан делал вид, что верит ей. Так было спокойнее для всех.

Однако то, что он застал жену выходящей из ворот резиденции главы Совета XIII, в то время как она должна была быть в Москве, многое меняло в их отношениях, которые, казалось, уже упрочились. По странному психологическому выверту, Лахлан прощал измены жены, когда она не скрывала их от него. Но тайные измены он не способен был бы простить. Почему так, он и сам не смог бы объяснить.

Все это Алва прочла во взгляде мужа, в котором кроме презрения начала зарождаться ненависть по мере того, как она медлила с ответом.

Когда Лахлан задумывался о чем-нибудь, то крошечный нос его начинал шевелиться, и могло показаться, что он принюхивается, как мышь, почуявшая ароматный запах сыра. Сейчас его нос походил на флюгер в ветреный день. Лахлан и недоумевал, и гадал, почему Алва предпочла путешествие в Москву свиданию с любовником. Несмотря на всю ее похотливость, это было на нее не похоже. Между старым любовником и новыми впечатлениями, включая возможные любовные приключения, она, не задумываясь, выбрала бы второе. Лахлан мог бы еще пять минут назад поставить в заклад свою голову, что по другому и быть не могло.

- Алва, что ты здесь делаешь? – строго спросил Лахлан, поняв, что не дожидается объяснений, если не потребует их. – Ведь ты должна быть в Москве.

Алва нашлась быстро.

- Как ты думаешь, кого ты видишь перед собой? – спросила она, приняв важный вид.

Взгляд Лахлана не сулил ей ничего хорошего, вздумай он сказать то, что думает. Поэтому Алва не дала ему времени, и сама же ответила на собственный вопрос.

- Перед тобой специальный агент Совета тринадцати Алва, - эльфийка лихо отдала честь, приложив ладонь ко лбу. – Выполняю ответственное поручение. Такое важное и тайное, что не могу сообщить о нем даже собственному мужу.

Она надула губки и голосом обиженного ребенка спросила:

- Муж, ты удовлетворен ответом? Или продолжишь подозревать меня Сатанатос знает в чем?

Лахлан не знал, верить ему или нет. Он сомневался. Но все-таки решил поверить. Так было безопаснее, чем устраивать проверку и идти за ответом к эльбсту Роналду или, того хуже, кобольду Джеррику.

- Спецагент так спецагент, - ответил он. – Это многое объясняет. Но ты могла мне хотя бы намекнуть. И, кроме того, помнится, я лично провожал тебя в аэропорт. Ты не улетела в Москву?

- И улетела, и прилетела обратно, - заявила Алва. И нагло соврала: - Всего часа два тому назад. В Москве я...

Она поперхнулась, едва не проговорившись. Ей очень хотелось сказать мужу, что в Москве она видела его незаконнорожденного сына, и что тому уже недолго осталось жить. Но это было бы ошибкой. Может быть, даже роковой для нее самой, Алвы. Поэтому она промолчала, мысленно пожелав мужу как можно скорее сдохнуть, причем в страшных мучениях.

Алве очень хотелось быть независимой и богатой вдовой. Но высказать свое заветное тайное желание пока еще живому мужу она поостереглась. И только спросила:

- А что тебя привело сюда? Надеюсь, не та же самая причина, что и меня?

По сути, вопрос был скрытым оскорблением Лахлана. Было в их супружеской жизни время, когда Алва открыто называла мужа потаскушкой в штанах. Это случилось, когда она только узнала от Джеррика о том, что ее муж обрюхатил Катриону. Но, к счастью для себя, Лахлан этого не понял, как, впрочем, ничего не понимал и прежде. Катриона никогда не была его любовницей. Фергюс все это выдумал, когда предпринимал отчаянные попытки спасти свою дочь от казни, вызволить ее из подземной темницы, расположенной под зданием, в котором располагалась резиденция эльбста Роналда.

Но это не знали ни Лахлан, ни Алва. Джеррик догадывался, но, как обычно, держал свои догадки при себе. Ignorantia non est argumentum, незнание не доказательство, говорил он себе и следовал этому правилу.

- Эльбст Роналд созвал внеочередное заседание Совета тринадцати, - ответил Лахлан. – Предполагается, что мы будем обсуждать важный вопрос. Настолько важный, что никто даже

не знает, какой. Кроме самого Роналда. И, разумеется, Джеррика. Как он, кстати, поживает, наш славный душка-кобольд?

Под проницательным взглядом мужа Алва не дрогнула. Только подумала о том, что Джеррик не лгал ей, говоря, что очень занят, потому что готовится к важному мероприятию. Разумеется, эти мысли она также скрыла от своего мужа.

- Откуда мне знать? – пожала она плечами. – Я давно уже не видела этого уroda.

Ответ удовлетворил ее мужа. Поэтому они расстались добрыми друзьями. Лахлан поспешил на заседание Совета XIII, а Алва – в погоню за его незаконнорожденным сыном.

Глава 7

Конференц-зал, в котором проходили заседания Совета XIII, Верховного коллегиального органа мира духов, находился на десятом этаже ниже уровня земли. Окон в нем не было. Рассеянный искусственный свет, отражаясь от большого овального стола из черного гранита, отбрасывал темные блики на лица духов. Здесь собрались туди Вейж, леший Афанасий, очокочи Бесарион, ундина Адалинда, юда Бильяна, гном Вигман, рарог Мичура, гамадриада Дапн, пэнхоу Янлин, тэнгу Тэтсуя и эльф Лахлан, самые уважаемые и могущественные представители своих народов. Все они терпеливо ждали, пока к ним присоединятся эльбст Роналд и кобольд Джеррик, который несколько последних лет, они все это знали, принимал решения за одряхлевшего эльбста.

Если кому-то это и не нравилось, то свое мнение он держал втайне, запрещая себе даже думать об этом, чтобы никто не проведал невзначай его мыслей.

Двухэтажный старинный особняк, бывший резиденцией эльбста Роналда, уходил под землю еще на двадцать пять этажей, о чем знали немногие. И только избранным было ведомо, что пять последних этажей здания были отданы под темницу, в которой содержались узники, вызвавшие гнев главы Совета XIII. Тот, кто попадал в этот каменный мешок, уже никогда не выходил из него. И даже не мог надеяться на то, что его отправят на каторжные работы в рудники, подземные шахты или на плантации, принадлежащие Совету XIII. Те, кто добывали медь, никель, серебро, золото, платину, выращивали и собирали сахарный тростник или опиный мак, из которого делали опиум, жили не долго. Но они умирали сравнительно легкой смертью. Узники подземной темницы Совета XIII не могли на это рассчитывать. Об этом старательно заботился кобольд Джеррик.

Поэтому духи молчали и сейчас. Высказывать догадки было бессмысленно и опасно. Они даже не переглядывались, чтобы никто не мог заподозрить их в тайных переговорах. Грозный дух кобольда Джеррика незримо витал под низкими мрачными сводами конференц-зала. Его опасались больше, чем эльбста Роналда. Списки будущих узников и каторжников на подпись эльбсту составлял и подавал кобольд.

Дверь в стене неслышно ушла в сторону, и в конференц-зал вошел краснокожий карлик, напустивший на себя деловой и озабоченный вид. Он всего на одно мгновение опередил эльбста Роналда, который показался из противоположной двери, ведущей в его комнату для отдыха.

Эльбст Роналд никому не рассказывал о своем прошлом. По слухам, в давние времена он был конкистадором и, находясь под защитой испанской короны, погубил немало людей. А кое-кто из старых духов, живущих на южноамериканском континенте, даже признавал в нем Эрнандо Кортеса, который, выдав себя за длиннородого белокожего бога Кецалькоатле, покорил и ограбил народ ацтеков. Но миновало несколько веков, эльбст присмирел, и только редкие вспышки гнева могли напомнить о том, каким он был в прошлом. Он уже не пытался изменить окружающий мир огнем и мечом, придя к убеждению, что люди, плодящиеся, подобно саранче, с невероятной быстротой, неистребимы. И лучше мирно сосуществовать с ними, пусть даже путем незначительных уступок, чем враждовать.

Бразды правления оставались в дрожащей дряхлой лапе Роналда, и он не собирался их выпускать. Эльбст рассчитывал еще пару сотен лет возглавлять Совет XIII. Поэтому ему был нужен Джеррик, который беспрекословно выполнял его приказы и держал в страхе и повиновении воле эльбста всех остальных членов Совета.

Недовольство духов слепым деспотизмом эльбста Роналда и проводимой им политикой исподволь зрело, но пока еще не достигло критической точки, и желающих открыто высказать протест не находилось. Ведь жизнь – это *avis rara*, редкая птица. И никто не хотел потерять

ее. Они были избранными, и только естественная смерть была способна оборвать их долгое и счастливое существование.

Поэтому при появлении эльбста Роналда и кобольда Джеррика все духи встали и низко склонили головы.

- Рад вас видеть всех в добром здравии, - произнес Роналд, с облегчением опускаясь на массивный резной стул из редкого мраморного дерева, которое росло только на Андаманских островах. – Здоровье – главное в жизни. Все остальное можно купить.

Одобрительный шум пронесся по залу. И только гном Вигман, сидевший по левую руку от эльбста, запротестовал.

- А это смотря сколько запросят, - заявил он. – Все имеет свою цену.

Гном вел финансовые дела Совета XIII, и мог себе позволить иногда не согласиться с эльбстом, когда речь заходила о деньгах. Джеррик, который расположился по правую руку эльбста, неодобрительно покосился на Вигмана, но промолчал.

- Не купим – так возьмем силой, - благодушно рыкнул эльбст. – Молчи, Вигман! Своей скаредностью ты постоянно портишь мне кровь.

У Роналда явно было хорошее настроение. Поэтому Вигман не испугался, а только улыбнулся, давая понять, что оценил шутку. Заулыбались и многие члены Совета XIII. Напряжение, владевшее ими, спало. Начало заседания не предвещало неприятностей.

Но это не понравилось Джеррику. Он хмуро буркнул на ухо эльбсту:

- Может быть, начнем?

- Начинай, - махнул тот когтистой лапой, едва не задев кобольда. – Но будь краток. Я проголодался.

В последние годы эльбст стал очень прожорлив. Он ел по десять раз на дню. Когда-то он испытывал постоянный сексуальный голод. С возрастом тот сублимировался в животный. Эльбст даже подарил Джеррику свою любовницу, Алву, перестав в ней нуждаться. На его взгляд, эльфийка была ненасытной в любви. С некоторых пор это начало его утомлять.

Джеррик бросил на него неодобрительный взгляд и сказал:

- *Edimus, ut vivamus; non vivimus, ut edamus.* Мы едим чтобы жить, но не живем, чтобы есть.

Эльбст мгновенно разъярился, как всегда, когда кто-либо ему противоречил.

- *Est modus in rebus.* Всему есть предел, - в раздражении пыхнул он огнем из ноздрей. – И только твоя наглость беспредельна, мелкая тварь! *Quos ego!* Я тебя!

Кобольд струсил, его кожа из красной стала пунцовой.

- Прости меня, Роналд! – пробормотал он. - *Sed semel insanivimus omnes.* Однажды мы все бываем безумны. *Brevis esse laboro, obscurus fio.* Если я стараюсь быть кратким, я становлюсь непонятным.

Но эльбст уже остыл. Вспышка гнева утомила его.

- *Tempus parce.* Береги время, - буркнул он. - *Tempus nemini.* Время никого не ждет.

Эльбст прикрыл глаза и затих. Казалось, он заснул.

Кобольд обернулся и обвел злобными глазками присутствующих. Но не нашел, на ком сорвать зло. Или поостерегся, решив не искушать судьбу. И торжественно начал:

- Друзья мои! *Sol lucet omnibus.* Солнце светит для всех. И для духов, и для людей. Как это ни прискорбно. А ведь наш древний закон гласит - пусть лев пожирающий всегда будет поражаем. *Semper percutiatur leo vorans.* Однако люди благоденствуют. В отличие от нас, духов природы. С каждым веком нас становится все меньше, мы вымираем. Сколько вас осталось, Бесарион? А гамадriad? Ответь мне, Дапн!

Очокочи Бесарион и гамадриада Дапн опустили головы. Их глаза увлажнились. Все остальные с сочувствием посмотрели на них. Это было правдой. Все знали, что пройдет совсем

немного времени, и эти народы исчезнут с лица планеты, как до этого исчезли многие другие, не выдержав необъявленной войны с людьми.

- Люди же плодятся, как саранча. На планете все меньше лесов, водоемов с чистой водой, животворного воздуха. И это все дело их рук. Они называют это развитием цивилизации. Мы, предпочитая истину, назовем уничтожением планеты. Жизнь человеческая слишком коротка, чтобы люди задумывались о будущем. Человек живет одним днем. Завтрашний день пугает его неизвестностью. *Beata stultica!* Блаженная глупость! Страшась смерти, люди подрубают корни *arbor vitae* – дереву жизни. Они заняты только одним – самоуничтожением. *A solis ortu usque ad occasum.* От восхода солнца до заката. Но прежде чем исчезнуть с лица земли, они уничтожат и нашу планету. И вы все это знаете. Но знаете ли вы, что покрывать злодейство – уже есть злодейство? *Scelere velandum est scelus.* Оспорит ли кто из вас это?

Но никто не возразил. Кобольд с торжествующим видом продолжил:

- Но мы ждем, забывая, что *periculum in mora* - опасность в промедлении. Мы верим, что *gaudet patientia duris* – долготерпение торжествует. Но верить в то, что род людской вымрет без нашего деятельного участия – это *beata stultica*. Блаженная глупость.

Кобольд с силой стукнул себя крошечным кулачком в грудь и, напрягая голос, прокричал:

- *Mea culpa, mea maxima culpa!* Моя вина, моя величайшая вина! Я виню себя в том, что долго молчал. Но пришло время, и я призываю вас всех восстать. *Nos volo, sic jubeo!* Этого я хочу, так приказываю! *Ferro ignique!* Огнем и мечом! *Ex ungue leonem.* По когтям можно узнать льва.

Неожиданно вошедшего в раж кобольда перебил леший Афанасий.

- *Ex ungue leonem cognoscimus, ex auribus asinum,* - насмешливо произнес он. - Льва узнаем по когтям, а осла – по ушам. Повелитель Роланд был прав. *Est modus in rebus.* Всему есть предел. *Dulce et decorum est pro patria mori.* Отрадно и почетно умереть за отечество. Но зачем торопить свою смерть? Ты сам сказал, Джеррик, что людей слишком много. Мы можем уничтожить миллиарды, но сколько при этом погибнет духов? Готовы ли мы заплатить такую цену? Скажи, Вигман!

Гном Вигман отрицательно качал головой. И многие духи одобрительно зашумели, поддерживая лешего. Но кобольд не смутился. Он презрительно рассмеялся.

- *Aut vincere, aut mori.* Победа или смерть. Ах, как благородно – и глупо! Но ничего иного я и не ждал от Афанасия. Он совсем одичал в своих лесах. Знай же, леший - современные войны так не ведутся. *Auscultare disce.* Учись слушать. Дослушай меня, а потом возрази, если сможешь.

Леший зло фыркнул, но стерпел насмешку. Его остановил едва заметный предупредительный кивок головы туди Вейжа. А кобольд продолжил свою речь.

- *Natura sanat.* Природа исцеляет. В этой войне с людьми на нашей стороне будет сама планета. Внезапная смена полюсов земли с севера на юг приведет к смещению континентов, а это вызовет массовые землетрясения, быстрое изменение климата, вымирание людей и глобальное уничтожение человечества.

Замысел был грандиозен. Духи были потрясены картиной, которая вставала перед их мысленным взором. Кобольд торжествовал. В мертвой тишине его тоненький голосок звучал подобно реву снежной лавины в горах.

- Одним из последствий смены полюсов будет ослабление магнитного поля планеты. Следовательно, людям придется пережить еще и солнечные бури, а это намного страшнее любых ядерных взрывов, которыми они угрожают уничтожить нашу планету. Не только Земля, само Солнце будет за нас! Его смертоносное излучение истребит род людской.

Кобольд умолк. Духи молчали, обдумывая услышанное. Неожиданно эльбст Роналд, который, казалось, все это время дремал, спросил:

- А как ты сможешь изменить магнитные полюса планеты, Джеррик?

И сразу же духи возбужденно зашумели. Вопрос был прост и очевиден. Но он доказывал, что кобольд предварительно не обсуждал с главой Совета XIII свой план. А, значит, его предложение можно было обсуждать и даже осуждать. Противоречие лешего Афанасия многие не поддержали только из страха перед возможным сокрушительным гневом эльбста Роналда. Ситуация в одно мгновение изменилась не в пользу Джеррика. И он это почувствовал. И поспешил, пока она не стала неуправляемой, ответить эльбсту.

- Южная Америка. Северное Перу. Гора Хай Марка. *Nic locus est, ubi mors gaudet succurrere vitae*. Воистину - вот место, где смерть охотно помогает жизни.

- Ворота в страну богов! – прорычал Роналд.

И духи впервые услышали в его голосе страх.

- Так его называли древние жители Перу, - подтвердил Джеррик. – По преданиям, которые остались от этих давно умерших людей, они могли общаться с богами, проходя через эту каменную дверь в скале. Современные археологи заявляют, что каменная дверь была аккуратно выпилена в горе около двух тысяч лет назад. Но все это ерунда. Я потратил много времени, изучая первоисточники - старинные манускрипты, наскальные рисунки, записи наших предков, духов природы. И выяснил, что люди, по своему обыкновению, присвоили себе наши легенды. Услышав их когда-то, они переиначили все факты, даты, события, имена. И вышла дикая смесь из слухов, предположений, догадок и фантазий. Например, в древнем эпосе инков гору Хай Марка называли «дорогой в другой мир». В нем рассказывается, что великие герои уходили к богам, проходя через каменные двери в скале. Спустя время некоторые из них возвращались, получив неслыханные знания и силу. И это люди!

Кобольд саркастически рассмеялся. Но его никто не поддержал, и он умолк, бросив злой взгляд на лешего Афанасия. Но тот не опустил глаз. И Джеррик был вынужден отвести свои.

- Разумеется, в действительности все иначе. Это были не люди, а духи. И они действительно получали почти божественную силу, вернувшись из страны богов. А если это так...

Джеррик сделал паузу, как опытный оратор, чтобы раздражить слушателей и насладиться их нетерпением. И ему это удалось. Юда Бильяна, пролив бальзам на истерзанную насмешками душу кобольда, воскликнула;

- Джеррик! Не томи!

- А если это могли наши предки, то почему не можем мы? – закончил Джеррик торжествующе. – Кто есть мой предок? *Alter ego*. Другой я. Мы войдем в эту дверь. Обретем новые знания и непреодолимую силу. И сможем изменить магнитные полюса нашей планеты. И сотрем с лица земли человеческий род. *Dixi!*

И это означало – все сказано, и добавить к сказанному нечего.

Однако для остальных духов все было не так однозначно.

- Но как мы войдем в эту дверь? – с сомнением произнес тэнгу Тэтсуя. – Силой и даже заклинаниями ее не откроешь.

Пэн-хоу Янлин и Туди Вейж согласно закивали. Рарог Мичура скривился, сказав:

- И отмычками тоже.

Глаза юды Бильяны наполнились слезами. Она была очень сентиментальна и мнительна, сказывался ее почтенный возраст.

- К чему все это? – пожал плечами Джеррик. - Мы можем открыть эту дверь ключом. Местные индейские предания сохранили память о таинственном золотом диске, который они называют «ключ богов из семи лучей». Якобы один из жрецов инков носил его на своей шее. Думаю, что это был кто-то из духов природы, судя по длительности лет его жизни. Но в пятнадцатом веке, по человеческому летоисчислению, этот жрец пропал. Утверждают, что это случилось после того, как испанские конкистадоры начали разрушать индейские поселения. Жрец увёл свой народ в горы, открыл ключом каменную дверь и вместе со всеми исчез навсегда. Но это не так. Я проследил его путь по древним записям. И знаю, где этот жрец нашел свое

последнее пристанище. Вместе с «ключом богов из семи лучей», разумеется, с которым он не расставался. Все очень просто. Мы находим могилу жреца, снимаем с его скелета золотой диск, открываем дверь в скале, которая приведет нас в страну богов, а затем...

- Что затем? – рыкнул эльбст Роналд.

- А затем мы вернемся, - улыбнулся Джеррик. – И горе людям! Ведь именно они – причина причин наших бед. Causa causalis.

Он бросил победный взгляд на членов Совета XIII. И на этот раз не увидел на их лицах ни насмешки, ни пренебрежительного недоверия. Даже леший Афанасий впервые смотрел на кобольда с невольным уважением. А глаза юды Бильяны светились откровенным восхищением.

Глава 8

Гном Вигман первым задал тот вопрос, который вертелся на кончике языка всех членов Совета XIII.

- Ты не сказал, Джеррик, где находится могила жреца. Или я не услышал?

И сразу же со всех сторон раздались возгласы, требующие уточнения. Громче всех кричал рарог Мичура. Но даже его заглушил мощный рык эльбста Роналда.

- Баста! Quos ego! Я вас!

Все мгновенно стихли. С эльбста слетела его полусонная дрема, он был голоден и зол. Из его ноздрей вырывались языки пламени. Казалось, еще немного – и он превратится в огненный смерч, от которого нет спасения. Достаточно было кому-то проявить неповиновение. Но таких не нашлось.

- Я объявляю перерыв в заседании Совета, - хмуро произнес эльбст. – Вам надо обдумать услышанное, прежде чем принять решение. А мне необходимо обсудить с Джерриком одну важную проблему. Джеррик, за мной!

Эльбст в сопровождении кобольда скрылся за дверью, которая вела в комнату, где он отдыхал, если заседания Совета XIII затягивались или утомляли его.

И сразу же духи вскочили со своих мест и разбились на группы, обсуждая речь кобольда. Как всегда, в самый дальний угол помещения отошли пэн-хоу Янлин, тэнгу Тэтсуя и туди Вейж. Можно было не сомневаться, что они будут долго и пристально изучать непроницаемые лица друг друга и изредка произносить одно или два коротких слова, задумчиво качая головами. Но сегодня, неожиданно для всех, к ним присоединился леший Афанасий, получив безмолвное приглашение от туди Вейжа. Во второй группе собрались сторонники кобольда, которых он привлек на свою сторону щедрыми посулами. Здесь были рарог Мичура, юда Бильяна и очокочи Бесарион. Ундина Адалинда, гном Вигман, гамадриада Дапн и эльф Лахлан образовали третий тесный кружок. Это была партия эльбста Роналда. Склонив головы как можно ближе, они почти шепотом обменивались мнениями, боясь быть услышанными кем-то еще.

Самыми шумными были сторонники кобольда. Но шум создавал в основном рарог Мичура, который азартно пытался в чем-то убедить своих союзников. Спустя некоторое время от этой компании отделились очокочи и юда. Бесарион, тяжело ступая, приблизился к лешему. Неодобрительно глядя на остальных духов, превратившихся при его появлении в подобие неподвижных и бессловесных каменных истуканов острова Пасхи, он окликнул своего старого друга, с которым не раз напивался допьяна после заседаний Совета.

- Афанасий!

Леший неохотно, и только по знаку туди Вейжа, подошел к нему.

- Что тебе, Бесарион?

С тех пор, как очокочи встал на сторону кобольда, бывшая дружба между ним и лешим разладилась. Афанасий и Джеррик терпеть не могли друг друга.

- Мичура приглашает нас с тобой отведать березового сока, - хитро подмигнув, сказал Бесарион. – После того, как все закончится, разумеется. Заодно обсудим...

- Прости, Бесарион, - перебил его, не дослушав, леший. – Мне недосуг. Да и натуральный березовый сок бывает только по весне. А все остальное время не советую его пить. Редкостная гадость. Так и передай Мичуре. А заодно и Джеррику.

- Значит, вот так, Афанасий? – в голосе очокочи прозвучала обида.

- Значит вот так, Бесарион, - подтвердил очевидное леший.

- И не передумаете?

- Когда филин в полдень ухнет, - ухмыльнулся леший. И сам громко ухнул, отходя, будто поставил точку в их неприятном разговоре.

Бесарион вернулся обратно, по пути раздраженно почесывая свой топоробразный горб, росший из грудной клетки, которым он мог рассекать противников надвое. После общения с кобальдом у него тоже завелись блохи.

Все остальные духи искоса наблюдали за размолвкой лешего и очокочи. Кроме юды Бильяны и эльфа Лахлана. Они говорили между собой, и этот разговор, судя по их лицам, был неприятен для обоих.

- Лахлан, ты совсем забыл меня, - подойдя к эльфу со спины, прошептала Бильяна, интимно склонившись к его уху.

Лахлан отпрянул, словно почувствовал прикосновение жабы, липкой и скользкой на ощупь. Он с отвращением посмотрел на юду.

Бильяне был хорошо знаком этот взгляд. Так на нее обычно смотрели ее жертвы.

Юда была уже стара и безобразна. Никто не хотел заниматься с ней плотской любовью по доброй воле. Обычно она нападала врасплох на купающегося в горном озере человека, опутывала его, как сетями, своими длинными волосами, и утаскивала в горы. Бильяна истязала жертву до смерти, получая от этого истинное наслаждение, сравнимое с сексуальным. С особым удовольствием она выцарапывала своими крючковатыми пальцами пленнику глаза. Щадила юда только молодых мужчин, вынуждая их предаваться извращенным утехам плоти с собой. Но даже после этого она разрывала их на куски, злобясь на то, что они молоды, а ее жизненные силы угасают.

Но восемь лет назад у нее была короткая связь с Лахланом. Это случилось, когда он взял на работу в посольство государства Эльфландия, премьер-министром которого был, эльфийку Катриону, доверившись рекомендации своей жены. А Катриона спуталась с человеком, главным смотрителем маяка на острове Эйлин Мор, и сбежала с ним, натворив немало бед. Лахлану нужны были союзники среди членов Совета, гнева которого он страшился. И Бильяна подарила ему надежду на свое заступничество. Но за это Лахлану пришлось лечь с ней в постель.

Эльф до сих пор с содроганием вспоминал ту ночь. Обнажившись, юда оказалась еще омерзительнее, чем в одежде. И, кроме того, она была отвратительной любовницей, привыкнув к тому, что жертвы, спасая свою жизнь, пытались угодить ей, не требуя ничего взамен.

А Бильяна также не могла забыть давнего свидания, но совсем по другой причине, и часто намекала Лахлану, что была бы не прочь встретиться с ним вновь. Но он всегда отговаривался какими-то важными делами. А когда сам вошел в Совет XIII, то стал просто игнорировать намеки юды и даже смотреть поверх ее головы, когда им случалось столкнуться в зале заседаний.

И сейчас взгляд Лахлана ожег юду, словно удар хлыстом. Она побледнела, но попыталась улыбнуться. Улыбка вышла жалкой. Эльф, ничего не сказав, равнодушно отвернулся от нее.

- Лахлан... - пролепетала юда, но не сумела договорить от обиды.

Бильяна отошла с видом побитой собаки. Услышала чей-то смешок за спиной. Ей показалось, что смеются над ней. Она обернулась и увидела, как Лахлан что-то говорит ундине Адалинде, а та весело улыбается. Адалинда была глупа, но молода и красива. Эта капля переполнила чашу унижений, из которой Бильяна пила уже несколько лет по воле эльфа. В одно мгновение она стала его злейшим врагом.

- Берегись, Лахлан, - процедила юда сквозь крепко сжатые зубы. Ее поджидали рарог и очокочи. На их немой вопрос Бильяна отрицательно покачала головой и мстительно сказала: - Он предал нас. Назвал Джеррика пустобрехом и жалким пигмеем.

По шерсти рарога пробежали искры, но он сдержался, бросив угрожающий взгляд на эльфа, который ничего не замечал, продолжая весело болтать с ундиной.

Больше никто из них не делал попыток переманить в свою группу, чтобы усилить ее влияние, сторонников другой партии. Только еще теснее сблизили головы и почти неслышно продолжали обсуждать ситуацию.

Комната, в которую кобольд вошел следом за эльбстом, разительно отличалась от конференц-зала с его подчеркнута строгим деловым стилем. Здесь эльбст отдыхал, и помещение полностью соответствовало его вкусам. Панели, украшения и панно из янтаря дополняли золочёная деревянная резьба, зеркала и мозаичные картины из агата и яшмы. На всем лежал отпечаток XVIII века, эпохи, когда роскошь была возведена в ранг искусства. Было время, когда этой янтарной комнатой владели прусские и российские императоры, но затем она стала собственностью эльбста, причем ему это не стоило ни гроша. Как он приобрел ее, глава Совета XIII благоразумно молчал, и никто не осмеливался его расспрашивать.

Сейчас янтарной комнате угрожала реальная опасность. Из ноздрей эльбста полыхало пламя, которое могло превратить ее в пепелище. Он яростно возрился на карлика.

- Тварь! Змея, которую я пригрел на своей груди! – злобно рычал эльбст. Ему уже не надо было сдерживаться, как перед членами Совета XIII, и он дал волю своему гневу. Когда-то Джеррик, подобранный им на одном из рудников Северной Европы, был у него в услужении и развлекал его своими ужимками и безобразной внешностью. Эльбст этого еще не забыл. – Почему ты не рассказал мне всего этого раньше? Плетешь интриги за моей спиной? Я уничтожу тебя!

- Повелитель Роналд, - сохраняя спокойствие духа, от которого зависела его жизнь, произнес Джеррик. – Ты был занят важными делами. А я до сегодняшнего дня еще не обладал всей информацией. Но никто не знает и никогда не узнает точного местонахождения могилы жреца, в которой хранится «ключ богов из семи лучей». Кроме тебя, разумеется.

При этих словах Джеррик низко поклонился. Его голова почти коснулась янтарного пола.

- Только ты достоин владеть этим ключом, повелитель Роналд, - продолжил кобольд. – И открыть им ворота в страну богов. Кому, как не тебе, самому достойному из нас, овладеть силой и знаниями наших предков?

- Ты действительно так думаешь? – подозрительно уставился в крошечные глазки кобольда Роналд. – Или говоришь это, чтобы спасти свою никчемную шкуру?

- Думаю, - коротко подтвердил Джеррик, зная, что краткость по душе эльбсту, когда он голоден и разгневан. – Кроме того, тебе будет легче других осуществить задуманное. Я знаю, что ты бывал в тех местах.

Лесть сделала свое дело. Эльбст утих, и уже даже не извергал пламени. Почувствовав слабость после вспышки ярости, он утомленно опустил в большое вольтеровское кресло, в котором любил отдыхать, и начал размеренно покачиваться в нем. Глаза эльбста подернулись мечтательной дымкой приятных воспоминаний.

- Да, было дело, - буркнул он. – Я со своим отрядом конкистадоров преследовал священника, который, как нам донесли, намеревался спрятать драгоценности и религиозные предметы из храма, который мы потом сожгли дотла, в одной из пещер на горе Хай Марка. Мы настигли его невдалеке от скалы, в которую словно вдавили гигантской рукой огромный каменный прямоугольник с небольшим углублением в центре. Но сокровищ при священнике уже не было. Он умер ужасной смертью, поверь мне, но так и не сказал нам, куда он спрятал клад. Мы пытались открыть эту проклятую дверь, но все было тщетно. Я так и не решился дотронуться до скалы, но те конкистадоры, которые прикладывали к ней руку, говорили, что с ними происходят невероятные вещи. Одни чувствовали покалывающие ладонь импульсы энергии, другие как будто слышали пение, напоминающее религиозные псалмы, у третьих возникали странные видения. И то, что они видели, было не из нашего мира. . . Во всяком случае, так они говорили. До тех пор, пока я не убил их всех, одного за другим, той же ночью, чтобы они не смогли никому разболтать эту тайну.

Эльбст погрозил кривым когтем Джеррику который внимательно его слушал.

- Теперь и ты знаешь эту тайну, - с угрозой рыкнул он. - Cave! Остерегайся!

- Твоя тайна умрет вместе со мной, - заверил его кобольд.

- Вот именно, - ухмыльнулся Роналд. – И не вынуждай меня беспокоиться, что ты еще жив.

Джеррик похолодел, проклиная себя за болтливость. Но его успокоила мысль, что он еще нужен эльбсту. И если он, Джеррик, и умрет, то еще не сегодня. А будущее покажет.

- Не бойся, - сказал эльбст, заметив страх кобольда. – Пока ты мне верен, тебе ничто не грозит. Но вернемся к главному. Где могила этого жреца?

- На перуанском плато Наска, - поспешил ответить Джеррик. – Я приведу тебя к могиле жреца, повелитель Роналд, - голова кобольда вновь коснулась янтарного пола, скрыв выражение его глаз. – И ты своими руками достанешь из нее золотой диск. Или можешь растерзать меня на куски.

- Так и будет, - хмыкнул эльбст. – Можешь не сомневаться.

- Моя никчемная жизнь принадлежит тебе, повелитель Роналд, - подобострастно заверил его кобольд. – А теперь, быть может, нам пора вернуться в зал и закончить заседание Совета тринадцати?

- Зачем? – нахмурился эльбст. – Я голоден.

- Это формальность, но члены Совета должны проголосовать, - пояснил Джеррик, пряча свои глаза, в которых светилось презрение, но непонятно к кому – к эльбсту или прочим духам, а быть может, ко всем сразу. – Совет тринадцати должен принять решение по вопросу, который я озвучил сегодня. Если ты не забыл, я говорил об Армагеддоне, который ожидает людей. По их собственным глупым верованиям, он должен рано или поздно случиться. Так почему бы нам не помочь им, приблизив этот час Страшного суда?

Эльбст рассмеялся.

- Ты и Сатанатоса уговоришь сплясать тарантеллу на своей могиле, - произнес он. – Но за это я тебя и ценю. Хорошо, доиграем эту комедию до конца. Помогите мне. Что-то я подустал.

Эльбст Роналд с трудом поднялся из кресла, которое жалобно заскрипело под его грузной тушей, и облокотился на краснокожего карлика.

Когда эльбст и карлик вошли, членам Совета XIII показалось, что они бережно поддерживают друг друга. А это значило, что кобольд по-прежнему пользуется расположением эльбста Роналда. Рарог Мичура, юда Бильяна и очокочи Бесарион воспрянули духом, торжествуя глядя на всех остальных. Туди Вейж и леший Афанасий многозначительно переглянулись. Все духи разом затихли, ожидая, что им скажут.

- У вас было время обдумать предложение Джеррика, - произнес глава Совета XIII. – Пришло время поддержать или отвергнуть его. Каждый отвечает за себя. Но только коротко, без лишних слов. Вы все знаете наши древние традиции. Кто начнет? Вигман, не прячься за чужие спины. Слушаем тебя!

Гном Вигман, который любил выжидать, пока не выскажутся другие, чтобы не попасть впросак со своим мнением, неохотно поднялся, подчиняясь нетерпеливому взгляду эльбста.

- Ad notanda, - начал он. - Следует заметить...

- Вигман! – рыкнул эльбст Роналд. – Не суесловь!

- Benedicite! – тяжело вздохнув, вымолвил гном. - В добрый час!

После того, как даже обычно свехосторожный Вигман одобрил план кобольда, можно было не сомневаться в том, что скажут остальные члены Совета XIII.

- Ad patres! – радостно закричал рарог Мичура. - К праотцам!

- Credo! – глаза юды Бильяны сияли от восторга, она не сводила их с Джеррика. – Верую!

- Dictum – factum, – очокочи Бесарион, по обыкновению, был косноязычен, но его все поняли. - Сказано – сделано.

- Ferro ignique, – буркнул тэнгу Тэтсуя. - Огнем и мечом. Искореним род человеческий!
- Gaudet patientia duris, – произнес пэн-хоу Янлин. - Долготерпение торжествует.

Но он сразу же понял, что проговорился, необдуманно высказав свои тайные мысли, и торопливо добавил:

- Но любому терпению приходит конец. Люди должны погибнуть.

- Gloria victoribus! – проворковала ундина Адалинда. - Слава победителям! Слава повелителю Роналду!

Раздались смешки, но под грозным взглядом эльбста они тут же смолкли.

- Grata, rata et accepta, - произнес эльф Лахлан. - Угодно, законно и приемлемо.

- Nunc et nunc, - сказал туди Вейж. - Без всякого промедления.

- Homo homini lupus est, - буркнул леший Афанасий. - Человек человеку волк. Что его жалеть?

- Horribile dictu, - добросердечная гамадриада Дапн, как всегда, выносила обвинительный приговор со слезами на глазах. - Страшно произнести. Но сорная трава быстро растет. Mala herba cito crescit. Необходимо ее искоренить. Cetera desiderantur. Об остальном остается только желать.

Дапн была последней. Кобольд Джеррик с удовольствием констатировал:

- Nemine contradicente. Без возражений, единогласно. Решение принято.

И, перекрывая своим тоненьким голоском поднявшийся шум, торжественно провозгласил:

- Concordia victoriam gignit! Согласие порождает победу!

Глядя на его вдохновенное лицо, которое неожиданно преобразилось, став не таким отвратительным, как обычно, многие из духов поверили, что дни рода людского действительно сочтены.

Глава 9

Фергюс вернулся в отель Fraser Suites Insadong все на том же такси, которое терпеливо дожидалось его на окраине Сеульского леса.

По пути он заехал в торговый комплекс Migliore, расположенный в самом центре Сеула. В огромном высотном здании, семь этажей которого дополнительно уходили под землю, можно было купить любой товар, производившийся в мире. Вскоре Фергюс приобрел для внука смартфон. Сотовый телефон, которым Альф пользовался в Москве, эльф из осторожности выбросил еще по пути в аэропорт. Тогда же он пообещал внуку новый, и сейчас не поскупился, чудо электроники было в золотом корпусе. Об этом Альф не просил, но Фергюс любил баловать внука, получая от этого истинное удовольствие.

Однако намного больше времени Фергюс потратил, выбирая подарок для Евгении. Наконец, нашел то, что его удовлетворило. Немного смущаясь взглядов окружающих его людей, большинство из которых были туристами - иностранцами, как и он, Фергюс вышел из торгового комплекса, держа в руках большой пакет с надписями ### и ##.

До отеля доехали за несколько минут. Перед тем, как выйти из автомобиля, Фергюс коротко и сухо отдал необходимые распоряжения водителю. Сеунг Ким выслушал их, послушно кивая и не проронив ни единого слова. Он уже не принадлежал себе, его волей полностью овладел эльф, и он охотно подчинялся, не забывая после каждой сказанной фразы добавлять «господин». Если бы его сейчас увидели приятели-таксисты, то поразились бы. Сеунг Ким прежде всегда отличался наглостью и задиристостью, напоминая бойцового петуха.

Когда Фергюс ушел, Сеунг Ким, выполняя его приказ, вернулся к Сеульскому лесу. Заглушил двигатель автомобиля и замер в ожидании, незряче глядя в лобовое стекло. Он не знал, кого и зачем ждет, даже не задумывался над этим. Но почему-то это его совсем не беспокоило. Впрочем, как уже и ничто другое на свете.

В фойе отеля Фергюс вошел неторопливой, солидной походкой человека, знающего себе цену, умело скрывая волновавшие его чувства. Он был доволен, что задуманный им в самолете план не изменила встреча с древесным человеком. Пока все шло так, как надо. Но оставалась еще одна проблема. И ее звали Евгения. Несколько последних часов она провела с его внуком, и это также тревожило Фергюса. Он мысленно ругал себя за излишнюю доверчивость. С Альфом за это время могло случиться все, что угодно. Ведь он, Фергюс, оставил его на попечение совершенно незнакомой женщины. А что если она не та, за кого себя выдает?

Эта мысль, которая пришла к нему в лифте, ускорила движения Фергюса. Он торопливо открыл дверь номера, который снял для себя с Альфом. Внутри было тихо и темно. Номер оказался пуст. А ведь Альф и Евгения должны были бы давно вернуться. Фергюс почувствовал внутреннюю дрожь. Пакет выпал из его рук. Еще немного, и он бы запаниковал. Но в этот момент его взгляд упал на журнальный столик. Там лежал лист бумаги, на котором было крупно написано красивым почерком: «Мы с Альфом в моем номере. Не теряйте нас». Фергюс резко выдохнул и рассмеялся над своими страхами. Это был нервный смех, но он этого не заметил.

В номере, в котором поселилась Евгения, дверь была не заперта. Дальнюю комнату освещал приглушенный свет настольной лампы. Альф безмятежно спал на кровати, подложив руки под голову и свернувшись калачиком под одеялом. Евгения, надев на голову наушники, слушала музыку по маленькому плееру. Она не сразу заметила Фергюса. И только через несколько мгновений, словно почувствовав, что он на нее смотрит, подняла глаза и радостно улыбнулась.

- Вот и вы, - тихо произнесла она. – А мы вас так ждали!

Сказав это, она вдруг смутилась, словно выдала тайну, которую хотела бы скрыть. А поэтому быстро добавила:

- Особенно Альф!

- Я спешил, поверьте, - сказал Фергюс, с нескрываемой любовью глядя на спящего внука.

- Жаль, что Альф заснул, не дождавшись меня.

- Он так устал, - словно извиняясь за мальчика, сказала Евгения. – Где мы только не были с ним сегодня! И даже во «Дворце лучезарного счастья», о котором вы говорили. Альф захотел взглянуть на мифических животных, которые охраняют дворец от проникновения злых духов. Ужасные уроды! Но, знаете, нас они не тронули и даже пропустили внутрь. Мы прошли с Альфом через «Ворота лучезарных перемен». И надеемся, что они не обманут наших ожиданий.

- Я уверен в этом, - улыбнулся Фергюс. – Но если помните, я обещал вам вечером скромный ужин.

- Я помню, - проронила Евгения, опустив глаза. – Но это вовсе не обязательно.

- И все же я приглашаю, - настаивал Фергюс. - В этом отеле хорошая кухня. Как иначе я могу отблагодарить вас за этот день?

- Но Альф... - женщина в нерешительности оглянулась на мальчика. – Разве мы можем оставить его совсем одного?

- Можем, - заверил ее Фергюс. – Ненадолго, разумеется. Он уже большой мальчик. Неужели вы думаете, что я проводил с ним двадцать четыре часа в сутки?

- На вас это похоже, - улыбнулась Евгения. – Во всяком случае, я совсем не удивлюсь, узнав, что это так.

- И напрасно, - хмыкнул Фергюс. Но не стал развивать опасную тему, не желая врать. Евгения была почти права. – И, кроме того, я сам ужасно проголодался.

- Ну, если только ненадолго, - неохотно согласилась Евгения. Однако сразу же передумала. – Но все-таки будет лучше, я думаю, если мы закажем ужин в номер. Хорошая кухня от этого не станет хуже. А нам с вами так будет спокойнее.

Фергюс впервые встретил женщину, которая отказывалась от его приглашения поужинать в ресторане. И он видел, что совершенно искренне. Поэтому он не стал спорить. А просто направился к телефону, который перед этим заметил на столике в другой комнате, проходя. Евгения вышла следом, осторожно прикрыв дверь в спальню.

Перед тем как поднять трубку Фергюс спросил:

- Вы не возражаете, Женя, если я предложу вам отведать блюда корейской придворной кухни? Их подавали членам королевской семьи в эпоху династии Чосон, а в двадцать первом веке они переживают свое триумфальное возрождение. Поэтому еду подают в панджа, традиционных корейских бронзовых приборах.

- Звучит заманчиво, - улыбнулась Евгения.

- Но берегитесь, - предупредил Фергюс. – В былые времена члены королевской семьи ели не менее пяти раз в день, и начинали уже на рассвете. Эта трапеза может показаться чрезмерно обильной для современного человека.

- Признаюсь, что я тоже такая голодная, что съела бы сейчас, наверное, целого слона, - сказала Евгения, тихо рассмеявшись. – Так что каких-то двенадцать блюд меня не испугают. Тем более, что они будут поданы в панджа.

Фергюс долго разговаривал с портье по телефону, делая заказ. В заключение он сказал:

- И не забудьте сучонгва, медовый пунш с корицей, имбирём и чёрным перцем.

После чего, обернувшись к Евгении, он задумчиво произнес:

- Как это вам удается, Женя? Я только сейчас это понял.

- Поняли что? – удивленно спросила Евгения.

- Вы каждый раз умудряетесь настоять на своем. Причем так, что я этого даже не замечаю, и понимаю только тогда, когда уже слишком поздно что-то менять, - ответил Фергюс. – И это меня тревожит.

- Почему? – улыбка Евгении погасла. – Я вас не понимаю.

- Потому что вы управляете мной. А ведь мы с вами едва знакомы.

- Так вот что вас беспокоит на самом деле, - глаза женщины вдруг затуманились. – Не то, что я вами управляю – а я, по правде сказать, думаю, что это невозможно, дорогой мой Федор Иванович, не такой вы человек. Вас беспокоит то, что наше с вами случайное знакомство может перерасти в нечто большее, чем простая дружба. И знаете что?

- Что? – спросил Фергюс, чувствуя себя глупцом. И это было незнакомое ему чувство, которого он до этого не испытывал ни разу.

- Я думаю, что вы боитесь даже нашей возможной дружбы. Но вы напрасно беспокоитесь. Ни во что такое, чего вам стоило бы опасаться, наше с вами знакомство не перерастет. А вот насчет дружбы... Простите, но мы уже подружились с Альфом, независимо от того, нравится вам это или нет. Так что, если хотите, присоединяйтесь к нам. Или оставайтесь в гордом одиночестве в своей великолепной башне из слоновой кости. Как говорят в таком случае китайцы, можно привести верблюда к воде, но нельзя заставить его пить.

- Евгения, вы не правы, - опустив голову, пробормотал Фергюс.

- Так разубедите меня, - потребовала она.

И Фергюс понял, что эта женщина снова его переиграла. Причем так легко, что он даже не обиделся, а только восхитился ею.

Из затруднительного положения его спас тихий стук в дверь. Фергюс поспешно открыл, радуясь, что неприятный для него разговор прервался. Официант вкатил тележку с заказанным ужином. Фергюс дал ему щедрые чаевые и нетерпеливо махнул рукой, когда тот начал благодарить. Официант торопливо вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Когда эльф высказывал свои желания, мало кто ему противоречил.

- Прошу вас, Женя, - пригласил Фергюс. – Вообще-то, по древним канонам, столов должно быть три. На самый большой ставили основные блюда, на средний - комтхан, густую мясную похлёбку, десерты, чай. А третий стол предназначался для яиц, кунжутного масла, сырых овощей и соусов. И, кстати, блюда, которые подавали императорской семье, не зависели от сезона, как еда простолюдинов. И они каждый день были разными. Император мог себе это позволить. Восемь провинций империи отправляли во дворец продукты в качестве дани.

- Как хорошо, что я не жила в то время, - заметила Евгения, присаживаясь к столу. - Была бы членом императорской семьи – стала бы невообразимо толстой от такого количества поглощаемой каждый день пищи. Родилась бы простолюдинкой – было бы обидно, что кто-то может себе позволить обжорство, а мне приходится голодать. В общем, куда ни кинь, всюду клин. Это уже русская пословица. Хотя откуда вам это знать, Федор Иванович, правда? Ведь вы же не русский по национальности.

- Как вы это поняли? - удивился Фергюс, присаживаясь напротив.

- Все-таки я филолог, пусть и в прошедшем времени, - улыбнулась Евгения. Она взяла в руки палочки и подхватила кусочек мяса в одном из бронзовых сосудов. Положила его в рот, пожевала и произнесла, блаженно жмурясь: – Ох, как вкусно! А я-то раньше думала, что нет ничего лучше китайского супа из гнезд ласточки. Самое экзотическое блюдо на Земле. Вы его пробовали, Федор Иванович?

- Swallow's nest soup? Да, оно очень вкусное, - согласился Фергюс. - Но если бы вы знали, Женя, как и из чего его готовят, думаю, ваш восторг заметно бы уменьшился. Достаточно сказать, что главным ингредиентом этого блюда служит слюна ласточки, которую она выделяет, когда строит гнездо для своих птенцов.

Евгения запротестовала.

- Прошу вас, не продолжайте! Не лишайте меня еще одной иллюзии. И без того я слишком много их потеряла за последнее время. Но зато, кажется, я приобрела новую.

- И какую? – спросил Фергюс, чувствуя, что вновь ступает на опасный тонкий лед, однако не сумев удержаться от этого.

Евгения отложила палочки и встала. Подошла к окну, и, стоя спиной к Фергюсу, тихо сказала:

- Я все больше прихожу к убеждению, что вы, Федор Иванович, самый умный и интересный человек на Земле. Во всяком случае, из всех, кого я встречала в своей жизни.

- Боюсь, что вам придется распрощаться и с этой иллюзией, - буркнул Фергюс. Ему очень не нравилось, когда его называли человеком. Или даже сравнивали с людьми.

- Может быть, тогда мы с вами потанцуем? – неожиданно спросила Евгения, оборачиваясь.

Она отсоединила от плеера наушники. Зазвучала музыка, печальная корейская мелодия. Женщина протянула Фергюсу руку

- Вы просто обязаны компенсировать мне мою утраченную по вашей милости иллюзию. Почему-то мне кажется, что вы замечательно танцуете, Федор Иванович. И не пытайтесь убедить меня в обратном, по своему обыкновению. Достаточно видеть вашу походку, чтобы прийти к такому выводу.

- Я уже слишком давно не танцевал, - ответил Фергюс. – Лет сто тому назад, не меньше.

И это было сущей правдой. Последний раз он танцевал на стыке девятнадцатого и двадцатого веков, в одну из ночей на острове Эйлин Мор, когда Арлайн еще была его невестой и не встретила своего рыжеволосого Джека...

Фергюс встряхнул головой, как он это делал всегда, изгоняя из нее мысли об Арлайн. Уже восемь лет прошло, как она умерла. А до этого они не встречались более ста лет, и он даже не знал, жива она или нет. Так сколько же можно было мучить себя воспоминаниями о невесте, которая так и не стала его женой?

Но что-то подсказывало Фергюсу, что это был риторический а, быть может, и философский вопрос. Он никогда не забудет Арлайн. И будет помнить ее до самой своей смерти.

Но не сегодня. Сегодня он будет ужинать с красивой женщиной, и танцевать с ней, вопреки и назло всему, и даже самому себе.

Приняв это решение, Фергюс вдруг почувствовал облегчение. Сейчас он понимал тех людей, которые грешили только для того, чтобы потом покаяться. Потому что, не покайся, нельзя было получить прощения и доступ в Царство Божие, которое им было обещано в награду за тяжкую, полную страданий и мыслей о неизбежной смерти, жизнь на земле. А ведь раньше эти люди казались ему просто лицемерами, если не хуже.

Фергюс поймал себя на мысли, что он стал лучше понимать людей и даже терпимее к ним относиться после того, как встретился с Евгенией. А ведь не прошло еще и суток, как они познакомились.

А уже завтра должны расстаться. Навсегда.

Вспомнив об этом, Фергюс вспомнил и о своем визите к древесному человеку, а затем и обо всем остальном.

- Мы обязательно потанцуем, с вами, Женя, - мягко сказал он, чтобы не обидеть женщину. – Но не сейчас. Потому что мне нужно сказать вам нечто очень важное.

- Не пугайте меня, Федор Иванович, - попросила Евгения. – Она снова опустилась в кресло, почувствовав, что у нее внезапно ослабели ноги. – Вы произнесли это таким тоном... Что-то случилось за то время, пока вас не было?

- Да, Женя, - кивнул Фергюс. – Обстоятельства складываются так, что мы с Альфом не можем... Вернее, не должны лететь в Сидней.

- Я так и думала, - почти обреченно вздохнула женщина. – Все начиналось слишком хорошо, чтобы долго продолжаться. А, может быть, оно и к лучшему? Позволит избежать разочарования впоследствии. Как вы думаете, дорогой мой Федор Иванович?

- Я думаю..., - начал было Фергюс, но прервал сам себя. – Я думаю, дорогая моя Женя, что у меня есть для вас подарок. А ведь я совсем забыл о нем! Он в моем номере. Вы позволите мне сходить за ним и вернуться?

- Конечно, Федор Иванович, - безучастно сказала Евгения. Казалось, она не понимает, что говорит Фергюс. И отвечает ему, лишь бы не молчать. Невидящими глазами она смотрела в окно, на ночной Сеул

Фергюс открыл дверь своего номера и вошел в темноту. Эльф совершенно забыл о привычной осторожности, взволнованный разговором с Евгенией. Вначале он споткнулся о сверток из магазина, который, выронив, так и оставил почти на пороге, тревожась за внука. Фергюс едва не упал. Сделал несколько шагов, чтобы удержаться на ногах. И наткнулся на кого-то. Это было живое существо, а не стул или стол, как можно было ожидать.

Это было очень неприятное чувство – обнаружить, что в твой гостиничный номер в твое отсутствие кто-то вошел, и он ждет тебя, даже не включив свет.

Но голос, который услышал Фергюс, был для него еще неприятнее.

- Досточтимый Фергюс, - произнес незванный гость. – Ты так рад меня видеть, что бросаешься мне в объятия?

Фергюс сразу узнал этот голос, несмотря на то, что прошло много лет, когда он слышал его в последний раз. Он принадлежал туди Вейжу, члену Совета XIII.

Но туди Вейж был не один. Из глубины комнаты к ним приблизилась еще одна тень и весело произнесла:

- А я ничуть не сомневался, что старина Фергюс будет рад нас видеть!

Фергюс узнал и его. Это был леший Афанасий. Ситуация становилась все более непредсказуемой и опасной. Справиться с двумя такими могучими духами, как Вейж и Афанасий, было не просто. Скорее всего, невозможно. Он оказался в их руках. И только потому, что утратил свою обычную бдительность.

А самое обидное, что это произошло из-за человека, пусть даже этот человек был женщиной.

Глава 10

- Может быть, ты все-таки включишь лампу, Фергюс? – спросил леший Афанасий. – Мне-то все равно, но у Вейжа есть одна странность. Он предпочитает видеть глаза своего собеседника. И это тем более удивительно, что его собственные глаза увидеть чрезвычайно сложно даже при свете солнца.

Фергюс подумал, что ему ничто не грозит, по крайней мере, в ближайшее время. Иначе его не просили бы осветить комнату. В темноте туди было бы намного проще справиться с эльфом. Тьма друг туди и враг эльфов. Так уж у них устроены глаза.

Фергюс ощупью нашел на стене выключатель. Вспыхнул свет. Эльф увидел, что Афанасий благодушно улыбается, а Вейж смотрит серьезно, но также настроен не враждебно. Что бы ни привело их сюда, но только не желание расправиться с эльфом, который многие годы был, как и они, членом Совета XIII.

И никто из них не был другом эльбста Роналда. И это мягко сказано.

Вспомнив об этом, Фергюс почувствовал себя увереннее. И жестом радушного хозяина пригласил гостей сесть в кресла, стоявшие в комнате.

- Выпьете что-нибудь? – спросил он.

- А ты очень изменился, Фергюс, - вежливо сказал туди Вейж, усаживаясь на краешек кресла. – Стал человечнее, что ли.

- Не оскорбляй меня, Вейж.

- Нет, правда, Фергюс, - вмешался Афанасий. – В былые времена ты бы посмотрел на часы и спросил, что мы хотим от тебя. А сейчас предлагаешь выпивку. Совсем как человек, который не хочет показаться... невоспитанным.

- Хорошо, - буркнул Фергюс. – Будь по-вашему. Так что вам от меня надо?

Афанасий расхохотался. И даже губы Вейжа тронуло подобие улыбки.

- Нет уж, Фергюс, оставайся тем, кем ты стал за те годы, что мы не виделись, - заявил леший. – Тем более, что мы все изменились. Я вот, например, стал не таким диким. А Вейж не таким скрытным. Может быть, это с первого взгляда не заметно, но это так.

- Но кое-что осталось неизменным, я надеюсь, - пришепывая, произнес туди Вейж. – Я не забыл, что в прежние времена вы неплохо ладили друг с другом. Поэтому я рассчитывал, что, увидев лешего, ты, Фергюс, выслушаешь меня, прежде чем выхватишь свой самурайский меч и отрубишь мне голову.

Фергюс знал эту манеру Вейжа излагать свои мысли – вежливо и тактично. Но сейчас ему было не до того, чтобы восхищаться предусмотрительностью туди.

- Откуда вы узнали, что я в Сеуле, да еще в этой гостинице? – спросил он напрямик. – Кто меня предал?

- Никто, - в узких бойницах, в которых прятались глазки туди, были невозможно что-то рассмотреть. – Ты забыл, что я сказал тебе однажды. В те дни, когда ты пытался разыскать главного смотрителя маяка Эйлин Мор и его прекрасную спутницу-эльфийку.

- Много лет прошло, - уклончиво ответил Фергюс. - Моя память сохранила не все твои мудрые слова, Вейж. Я сожалею об этом.

- А я сказал тебе, что в городе от туди никто не скроется, - вежливо склонил голову Вейж в знак благодарности. - Тем более если этот город находится в моих родных краях. Неужели ты не знаешь, что местные жители ставят глиняные статуэтки, изображающие туди, на особой подставке в своих комнатах и зажигают перед ними курительные свечи? И как бы они ни были бедны, но обязательно приносят нам жертвоприношения - хлебцы и фрукты. Здесь туди все-таки сильны, Фергюс. И всезнающи.

- Учту на будущее, - буркнул Фегюс. – И все-таки, чем обязан неожиданному визиту? После стольких лет забвения.

Туди и леший переглянулись. И, видимо, мысленно сошлись во мнении, потому что туди вздохнул и сказал:

- Нас привела к тебе беда, Фергюс. Беда, которая угрожает не лично мне или Афанасию, а всем духам природы.

- Надеюсь, что не я тому виной, - сказал эльф.

- Нет, не ты, Фергюс, - согласно кивнул туди. – Ты всего лишь эльф, который хочет жить только по своим законам. Это плохо, но это не угрожает существованию мира духов. У беды, о которой я говорю, другое имя. Ее зовут эльбст Роналд.

- Что с ним не так? – Фергюс, казалось, не был удивлен. Или умело скрывал свои эмоции.

- Он одряхлел, и у него размягчился мозг, - в голосе Вейжа, словно легкий ветерок, просквозила печаль. – И этим пользуется кобольд Джеррик, которого эльбст приблизил к себе непонятно за какие заслуги. Злобный карлик, по сути, управляет Советом тринадцати от имени Роналда. А Джеррик ненавидит не только тебя, Фергюс.

- И меня тоже, - весело произнес леший Афанасий. – И, скажу тебе по секрету, Фергюс, Вейжа тоже. А еще...

- А еще всех духов и все человечество в придачу, - мягко перебил лешего Вейж. – Но до поры до времени мы терпели. Однако нашему долготерпению пришел конец. Это произошло после того, как мерзкий кобольд решил уничтожить всех людей на планете, поменяв ее магнитные полюса местами. Надо ли тебе говорить, Фергюс, чем это чревато для планеты? И не только для людей, но и для духов тоже?

Фергюсу не надо было этого объяснять. Он живо представил себе картину всеобщего хаоса и глобальных катаклизмов, которые воцарятся на планете, если кобольду удастся осуществить задуманное. Может быть, люди и погибнут. Но и многие духи природы тоже. Вместе с высохшими морями и озерами, унесенными бурями лесами, с горами, которые сравняются с землей, разрушенными городами.

- Но как ему это удастся? – спросил эльф. – Это невозможно!

- Увы, Фергюс, ты ошибаешься, - покачал головой туди. – Как ошибались все мы, когда не воспротивились желанию Роналда ввести в Совет тринадцати гнусного карлика, который озлобился на весь мир, потому что мир долгое время отвергал его, надсмехался над ним, внушал ему, что он урод и безумец.

- Но если бы вы это сделали, вас постигла бы моя судьба, - заметил эльф.

- Нет, если бы мы объединились, - возразил Вейж. – А мы были разрозненны. Но ситуация изменилась. Теперь туди, пэн-хоу, лешие, тэнгу действуют сообща. И у нас появился шанс спасти мир. Но нам нужен лидер. Тот, кто возглавил бы нас. Тот, кому, в отличие от нас, нечего терять. И поэтому он пойдет до конца.

- Ты честен со мной, и потому я благодарен тебе, - сказал эльф. – Да, мне нечего терять. И я бы мог возглавить вашу орду. И повести ее на бой. Только одно мешает мне принять твое предложение.

- И что это или кто это? – щелчки глаз туди сузились до микроскопических размеров.

- Вы, - улыбнулся эльф. - Туди, пэн-хоу, лешие, тэнгу. Вы храбры только на словах. Но при первых же звуках битвы вы разбежитесь, как мыши и зайцы, по своим домам и лесам. И я останусь один в чистом поле против армии, которую соберут эльбст и кобольд. Она будет немногочисленна, но профессиональна. В нее войдут гномы, которые привыкли воевать. Рароги, которым привычно убивать. Млиты, водяные... Нет, я ошибся! Их будет много. В сравнении со мной.

- Один в поле не воин, ты прав, - кивнул туди. – Прав ты и в том, что мы, туди, плохие воины. Нас разнежило вековое коленопреклонение людей. То же самое я могу сказать о пэн-

хоу и, наверное, тэнгу. Афанасий скажет за леших, если захочет. И я бы не стал предлагать тебе самоубийство, не будь у меня настоящей армии. Армии, которой мог бы гордиться величайший из полководцев нашей планеты, будь то дух или человек. И она непобедима. Разумеется, если у нее будет достойный полководец. Армия без военачальника – всего лишь стадо баранов. Как и военачальник без армии – только баран. Может быть, с крутыми рогами, но обреченный на заклятие.

- Витиевато выражаешься, - буркнул эльф. – Возможно, поэтому я так ничего и не понял.

- Слова ничего не значат, - возразил туди. – Ты должен увидеть своими глазами. Я могу показать эту армию тебе. И тогда ты примешь решение.

- Когда?

- Немедленно.

- Неужели твои непобедимые воины сейчас играют в гольф на крыше этой гостиницы? – не удержался от насмешки Фергюс. – Мне говорили, что там разбили прекрасное поле для тренировок, но я не верил.

- Нам предстоит более дальнее путешествие, - невозмутимо ответил туди. - В провинцию Шэньси Китая.

- Так ты говоришь о терракотовой армии древнекитайского императора Цинь Шихуанди! – воскликнул Фергюс. Он с изумлением смотрел на безмятежное лицо туди.

- С одной поправкой, - с гордостью заметил Вейж. – Это терракотовая армия туди Вейжа.

- Ты безумен, как и эльбст Роналд, - сказал Фергюс. – Мне надо было сразу это понять. Но ты, Афанасий! Я всегда считал тебя здравомыслящим лешим. Или Совет тринадцати поразила эпидемия?

- Смейся, смейся, Фергюс, - ухнул Афанасий. – Но то ли ты скажешь, когда увидишь эту армию своими глазами!

- И не подумаю, - заявил Фергюс. – Я шага не сделаю из этой комнаты в компании с двумя сумасшедшими.

Вейж не прекословил ему. Леший тоже молчал, хитро поблескивая глазами из-под век, которые казались голыми без ресниц и бровей. Эльф раздумывал. Спустя некоторое время он буркнул:

- Да и как мы туда сможем добраться за одну ночь? У меня утром самолет... И я не хотел бы опоздать на рейс.

- Я был прав, ты совершенно очеловечился, - заявил Афанасий. – Неужели ты забыл о перемещении в пространстве? Мы будем в провинции Шэньси через несколько минут.

- Это невозможно, - неуверенно возразил эльф.

- Тебе одному – да, - подтвердил Вейж. – равно как и мне, и Афанасию. Но если мы объединим наши силы... Все вместе мы, три могучих духа, способны и на большее. Ты никогда не задумывался об этом?

- Может быть, ты и прав, - подумав, ответил Фергюс. – Может быть, безумны не вы с Афанасием, а я, что сразу не поверил вам. Но ты должен понять меня, Вейж...

- Я понимаю тебя, - заверил его туди. – Ты слишком долго жил среди людей.

И эльф не нашел, что возразить.

Путешествие заняло не несколько минут, как обещал леший, а более получаса, но, может быть, в этом действительно был виноват Фергюс, отвыкший от телепортации.

Они все вместе и сразу, взявшись за руки, настроились на определенную географическую точку, как будто увидели ее воочию с высоты птичьего полета. Потом Фергюса ослепила яркая вспышка – и наступила полная тьма. Затем опять вспышка света – и они уже были в провинции Шэньси Китая, в полутора километрах от рукотворной горы Лишань, в которой покоился прах императора Цинь Шихуанди. Именно здесь находилась терракотовая армия.

По ощущениям Фергюса, перемещение длилось всего одно мгновение. Он чувствовал сильную слабость. Но это было единственное неприятное последствие телепортации, о котором он вскоре забыл.

Было темно, и Фергюс шел почти вслепую, доверяя туди Вейжу, который возглавлял их маленькую колонну. В спину эльфу дышал леший Афанасий. Они то поднимались, то куда-то спускались. Несколько раз Фергюс споткнулся о камни, но удержался на ногах, поддерживаемый лешим или туди. Наконец они остановились на небольшом возвышении, с которого хорошо просматривались окрестности. Вейж, показав жестом, торжественно сказал:

- Смотри, Фергюс! Убедись, малoverный! Перед тобой терракотовая армия туди Вейжа. И Фергюс увидел.

Это было грандиозное зрелище. Оно впечатлило даже эльфа. Тысячи воинов - пехотинцы, лучники, конники, - замерли в боевом построении в многочисленных длинных траншеях, выкопанных в земле параллельно одна другой. Они казались гигантами, по два метра ростом и не менее ста – ста пятидесяти килограмм весом каждый. Взоры всех воинов были обращены на восток. Сколько Фергюс ни всматривался, он не увидел ни одного одинакового лица. Здесь были не только китайцы, но и монголы, уйгуры, тибетцы и представители многих других народов. Как-то не верилось, что эта грозная армия состоит из глиняных воинов, которых много веков назад слепили из желтой или красной глины и подвергли обжигу при постоянной температуре не ниже 1000 градусов в продолжение нескольких дней. Если бы Фергюс не знал об этом, он ни за что не поверил бы, что перед ним не живые существа.

Фергюс перевел взгляд на туди. Лицо Вейжа расплылось в блаженной улыбке. Леший был взволнован не меньше. Фергюс мог поклясться, что и его собственное лицо отражало те же эмоции. Нельзя было смотреть на эту армию и испытывать другие чувства.

- Императора Цинь Шихуанди похоронили в мавзолее, построенном на горе Лишань, - заметив, что Фергюс смотрит на него в ожидании объяснений, сказал туди. - Он был первым императором династии Цинь и имел перед Китаем много заслуг – покончил с междоусобицами, объединил страну, достроил Великую Китайскую стену. Но что мне нравится больше – предал огню все книги и древние летописи побежденных династий, казнил сотни ученых, которых заподозрили в нелояльности к новому императорскому режиму. Свою гробницу он начал строить, когда ему было всего тринадцать лет. А на ее завершение ушло тридцать восемь лет. Вся свою жизнь император строил собственную гробницу. Ни одному духу такое и в голову не пришло бы. Ведь так, Афанасий?

Туди Вейж искренне недоумевал. Он жил уже несколько сотен лет, но так и не смог смириться с некоторыми странностями, как он это называл, людей.

- Лешему уж точно, - подтвердил Афанасий. – Для нас в лесу любое дупло – гробница. Пусть не вечная, зато забот никаких. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на мысли о смерти.

Это было не совсем то, что туди хотел услышать, но он не стал спорить и продолжил свой рассказ.

- Перед смертью, следуя древней китайской традиции, император Цинь Шихуанди завещал похоронить рядом с мавзолеем несколько тысяч молодых воинов из своей личной охраны. Но его приближенные испугались, что это приведет к бунту среди жителей страны. Ведь у этих юношей было много родственников, как это обычно бывает в Китае. И тогда хитрые царедворцы, страшась уже за свою жизнь, заключили договор с моим прадедом, которого также звали туди Вейж. Он обязался, что тайно, в течение многих лет, похитит несколько тысяч воинов по всей империи, чтобы это было не так заметно, и превратит их плоть в глину. И уже эти терракотовые статуи будут зарыты в землю вместо еще живых людей. Так и произошло в двести десятом году до Рождества Христова по человеческому летоисчислению. В тот год умер вели-

кий император, который искренне верил, что его потомки будут вечно править созданной им Империей. Люди так самоуверенны! Они всегда забывают, что не существует ничего вечного.

Вейж осуждающе покачал головой и стал очень похож на игрушечного китайского мандарина, которого Фергюс всего несколько часов назад видел в торговом комплексе в Сеуле, когда выбирал подарки.

- Мой прадед честно выполнил свою часть договора, - продолжил Вейж. - За это он был щедро вознагражден потомком императора Цинь Шихуанди. Но он не был бы истинным туди, если бы не воспользовался ситуацией ради славы и будущего процветания своего рода. Заклинание, которым мой прадед воспользовался, превращая людей в глиняные статуи, он передал, умирая, своему старшему сыну. Тот своему. И так было, пока очередь не дошла до меня. Только я один знаю тайное заклинание, которое способно оживить эту терракотовую армию и заставить ее подчиняться моему приказу.

- А тебя не смущает, что люди узнали о существовании твоей терракотовой армии? - спросил Фергюс. - Если мне не изменяет память, она была обнаружена лет пятьдесят тому назад местными крестьянами, когда они вздумали бурить артезианскую скважину к востоку от горы Лишань.

- Люди как крысы – везде шныряют и всюду суют свой любопытный нос, - зло сказал Вейж. – Но что с того? Они не могут нам навредить. То, что ты видишь перед собой – всего лишь жалкая часть моей великой армии. Восемь-девять тысяч воинов, не больше. А ведь люди ведут раскопки уже почти пять десятилетий. Сколько им понадобится времени, чтобы выкопать из-под земли всю мою армию? Века. А сколько, чтобы понять, что она собой представляет? Вечность. Как ты думаешь, у них есть эта вечность в запасе?

- У нас с тобой ее тоже нет, - ответил Фергюс. – В этом, как это ни прискорбно, мы похожи на людей.

Туди Вейж пристально взглянул на эльфа. Затем он отошел в сторону и что-то произнес на непонятном языке, бурно жестикулируя.

И сразу же по стройным рядам безжизненных глиняных воинов прошла дрожь, словно внезапно взволновалась спокойная до этого гладь моря. Послышался мерный гул множества приглушенных голосов, бряцанье оружия о доспехи, топот и ржание лошадей, стук колес колесниц. Терракотовая армия ожила и пришла в движение. На лицах воинов появилось осмысленное выражение, глаза заблестели, руки крепче сжали мечи и копья, натянули поводья встающих на дыбы застоявшихся коней.

По всему было видно, что армия готова выступить в поход и ждет только команды военачальника. Но Вейж опять что-то произнес, сделал несколько пассов руками - и терракотовая армия мгновенно замерла и онемела. Снова в траншеях стояли безжизненные глиняные статуи. Но от этого они не стали менее грозными на вид.

Вейж оглянулся на эльфа, глаза его от возбуждения сверкали в темноте яркими углями.

- Скажи, Фергюс, - громко произнес он, - теперь ты готов возглавить мою терракотовую армию, самую могущественную на планете? И повести ее в бой против обезумевшего эльбста Роналда?

В голосе туди звенела сталь, словно в яростной схватке скрестились два невидимых меча.

- Да, - ответил Фергюс. – Но сначала я должен завершить одно очень важное для меня дело.

Глава 11

Фергюс вернулся в свой гостиничный номер один. Путешествие из Сеула в китайскую провинцию и обратно за столь короткое время измотало его. Он почти упал в кресло, чувствуя, как болезненно ноют его уставшие мышцы. Но это не мешало ему размышлять. А подумать было над чем. Неожиданная поддержка, которую он получил, многое меняла. Он уже не был одиноким изгоем. В своей борьбе против эльбста Роналда он мог рассчитывать на помощь членов Совета XIII, которые представляли великие народы мира духов природы. И у него появилась целая армия. Терракотовая армия, самая могущественная в мире. Туди Вейж был прав. Имея такие козыри, можно было начинать игру, ставка в которой была смерть. Его, Фергюса, или эльбста Роналда.

Пока Фергюс взял отсрочку. Они договорились с туди Вейжем, что вернуться к этому разговору через неделю. Ему требовались эти несколько дней, чтобы надежно спрятать внука от своих будущих грозных врагов. Но для этого ему будет нужна Евгения.

Подумав об этом, Фергюс нахмурился. Его предубеждение против людей было слишком велико, несмотря на то, что он прожил среди них несколько последних лет. А, как ни рассуждай, Евгения была человеком, пусть и обиженная людьми, а, значит, тоже не питающая к ним добрых чувств.

Но и Альф был только наполовину эльф. И кто, как ни эта женщина, мог лучше всех позаботиться о нем в отсутствие его, Фергюса? Тем более, что они так хорошо поладили между собой – Евгения и Альф. И это не удивительно, в сущности, ведь она - женщина, лишенная ребенка, а он - мальчик, лишенный матери. Оба они пытаются заполнить ту пропасть в своих душах, которая образовалась в результате утраты самых близких им людей.

И, подумав об этом, Фергюс окончательно пришел к выводу, что лучшего спутника и защитника для своего внука, чем Евгения, он не найдет. Неожиданно эта мысль принесла ему облегчение. Он поднялся с кресла. Поднял с пола пакет с надписями #### и ##, который приобрел в торговом комплексе Migliore, и, чувствуя, что к нему вернулись утраченная физическая сила и хорошее настроение, вышел из комнаты.

Дверь, которая вела в номер Евгении, по-прежнему была не заперта. Когда Фергюс вошел, у него возникло ощущение *deja vu*. Приглушенный свет лампы опять горел только в дальней комнате. Когда он прошел туда, то увидел, что Альф по-прежнему безмятежно и все в той же позе спит, свернувшись калачиком под одеялом. А Евгения, устроившись в кресле рядом с кроватью и надев наушники, слушает музыку по маленькому плееру, положив его на колени. Только на этот раз она смотрела в окно, на полыхающий миллионами огней ночной Сеул. Но едва ли видела город. Ее лоб прорезали две или три глубокие морщинки, веки покраснели и тяжело набрякли, словно женщина незадолго перед этим плакала. Когда она увидела Фергюса, то опять улыбнулась ему, но уже не радостно, а грустно.

- Вас не было так долго, - тихо произнесла она, выключив плеер. – Если бы не Альф, я подумала бы, что вы уже никогда не вернетесь.

- Простите меня, Женя, - необычно ласковым голосом сказал Фергюс.

- Мне было так страшно все это время, - призналась женщина. – Я не знала, что с вами. Даже сходила в ваш номер. Но он был пуст. И в нем было как-то... жутко. Я убежала из него сломя голову.

– Мне пришлось совершенно неожиданно отправиться в одно маленькое путешествие. И у меня не было возможности предупредить вас. Но зато я вернулся, как и обещал, с подарком.

- Я так и подумала, - грустно улыбнулась Евгения. – Вы пообещали мне подарок, чтобы подсластить горькую пилюлю. Но у вас его, разумеется, не было, и вам, как человеку слова, пришлось ночью ехать в один из местных магазинов, чтобы купить что-нибудь. То, что, по

вашему мнению, утешит меня. И позволит не так сильно ощущать боль расставания с Альфом... И с вами. Я угадала?

- Почти, - хмыкнул Фергюс. – Но прежде чем я развею некоторые ваши заблуждения, позвольте мне все-таки вручить вам свой подарок. Как говорят люди, от всей души.

И он протянул пакет Евгении.

Что-то в голосе Фергюса заставило женщину пристально всмотреться в его лицо. А потом подняться и взять протянутый ей пакет. Она еще не улыбалась, но уже и не грустила. Слова Фергюса заронили в ней надежду на что-то. А на что, она пока не понимала. Но это обещало быть неожиданно хорошим.

Они вышли в соседнюю комнату. Евгения развернула пакет. И достала из него юбку, жакет и сумочку. Жакет был ярко-красным, юбка цвета индиго, а сумочка имела необычную многоугольную форму.

Женщина с удивлением посмотрела на Фергюса.

- Это hanbok, - поспешно ответил тот на невысказанный вопрос. - Традиционная одежда, которую с древних времен надевают жители Кореи в торжественные и праздничные дни. Я подумал, что вам она очень подойдет. И у нас сегодня будет настоящий праздник. Вы не могли бы сейчас все это надеть?

- Но только чтобы доставить вам удовольствие, - с сомнением произнесла Евгения. – И если вы пообещаете никуда не исчезнуть за то время, пока я буду переодеваться.

- Это я вам обещаю, - рассмеялся Фергюс.

Евгения вышла. Фергюс заглянул через приоткрытую дверь в другую комнату. Альф все еще спал. Его ровное дыхание звучало для эльфа как музыка. Фергюс вслушался в него, улыбаясь. Подумал, глядя на безмятежное лицо внука, о том, что их ожидает расставание, может быть, надолго. И загрустил.

За его спиной раздался шорох. Фергюс обернулся. Перед ним стояла Евгения и смущенно улыбалась. На ней была длинная, до пола, просторная юбка, начинавшаяся от груди, и жакет наподобие болеро. В руках она неловко держала сумочку, украшенную витиеватой вышивкой и многочисленными кисточками.

- Ну, как я вам? – с тревогой спросила Евгения. – В этом наряде я кажусь сама себе куклой с витрины магазина.

- Вы словно пришли в этот мир из прошлого, - восхищенно сказал Фергюс, который по-настоящему ценил только старинные вещи. – Hanbok корейцы носили еще до Рождества Христова. Красный – это цвет церемониальных одежд короля и королевы. А придворные дамы носили юбки цвета индиго, ярко-синие. Он символизировал постоянство.

- Вот уж не думала, что цвет одежды может иметь такой глубокий символический смысл, - удивилась Евгения.

- В hanbok – да, - возразил Фергюс. – Вообще в Корее и Китае красный цвет всегда считался символом успеха. Люди верили, что если надеть красную одежду в новогоднюю ночь, то это гарантирует удачу на весь год. И будет надежно охранять от злых духов, особенно если цвет одежды совпадает с цветом животного по китайскому зодиакальному календарю. А черный цвет воплощал бесконечность и творческое начало, поэтому мужские головные уборы корейцев были черными.

- А эта сумочка? – Евгения повертела ее в руках, рассматривая, как диковинное животное. – Такой странной формы. Для чего она?

- Так ведь hanbok не имеет карманов. Поэтому и женщины, и мужчины, одевая национальную корейскую одежду, чхима и чогори, используют вместо карманов подобные сумочки, называемые чумони, - пояснил Фергюс. – Ну, а о вкусах, как известно, не спорят. Поэтому нет смысла обсуждать форму сумочек, которые прилагаются к hanbok. И скажите спасибо, Жень,

что вы не родились в Когуре в одно время с Иисусом Христом. Жители этого королевства в то время носили нательное белье, сшитое из шкур животных, которое защищало их от холода.

- Наверное, им было очень тепло, - улыбнулась Евгения. - Но едва ли удобно.

- А в эпоху династии Чосон, а это со времен средневековья и вплоть до начала двадцатого века от Рождества Христова, бедные корейцы носили одежду из собачьей кожи, - продолжал, воодушевленный сияющими глазами женщины, Фергюс. - Кстати, традиционный hanbok, который жители Кореи носят в наши дни, шьется по образцу одежды, распространенной во времена династии Чосон. Она, как известно, была ориентирована на конфуцианство. Может быть, это и определило вкус модельеров hanbok, как знать.

Евгения с восхищением посмотрела на Фергюса.

- Не спорьте, Федор Иванович, - сказала она. - Все-таки вы самый интересный человек из всех, которых я встречала.

- В таком случае вам просто не везло с людьми, - ответил Фергюс. Подумал и добавил: - Как и мне, впрочем.

Глаза Евгении помрачнели.

- А вот с этим я не буду спорить, - тихо произнесла она.

Заметив, что женщина опять загрустила, Фергюс попросил:

- Покружитесь, Евгения! Эта юбка просто создана для того, чтобы в ней кружиться.

- Только вместе с вами, Федор Иванович, - ответила она. - Помните, вы обещали мне танец? И, как порядочный мужчина, вы просто обязаны...

- Хорошо, - неожиданно согласился Фергюс, словно из опасения, что она договорит фразу. - Но я не умею танцевать без музыки.

- Музыка будет, - пообещала Евгения. - Мой верный плеер меня еще никогда не подводил.

Она снова отсоединила наушники от плеера и включила его. И опять комнату наполнили тихие звуки печальной корейской мелодии.

Фергюс приблизился к женщине и слегка поклонился, приглашая ее на танец. Евгения церемонно кивнула в ответ. Их руки соединились. И они закружились по комнате, легко и бесшумно, подчиняя свои движения мелодии и биению собственного сердца.

В один момент Евгении показалось, что ее ноги оторвались от пола, и она уже парит в воздухе, бережно поддерживаемая партнером. Она прикрыла глаза, полностью отдаваясь власти его мужских рук, таких сильных и одновременно нежных. Это было блаженство, равного которому она никогда не испытывала. Впервые в жизни она покорялась мужчине и хотела этого больше всего на свете.

А Фергюс... Танцуя, он тоже закрыл глаза. И ему казалось, что в своих объятиях он держит Арлайн. И кружит ее, кружит, кружит... И они уже не на земле, а в небесах, среди белоснежных облаков... И все только начинается...

Неожиданно музыка смолкла. И они вернулись из страны грез в реальность.

Евгения открыла глаза и увидела перед собой отчужденное лицо мужчины, которому она только что мысленно отдавалась полностью и безраздельно. Фергюс смотрел на женщину с легким замешательством, словно не понимая, как она здесь очутилась, и почему он держит в своих объятиях ее, а не другую.

Очарование минуты пропало, растворилось в вечности. Они снова стали чужими друг другу. Еще более чуждыми, чем до танца.

Первым опомнился Фергюс. Он снял руку Евгении со своего плеча и поцеловал ее.

- Это был прекрасный танец, - сказал он. - Благодарю вас! Он напомнил мне мою юность.

И Евгения поняла, что она совершила ошибку, настояв на танце, на который возлагала так много надежд, который должен был сблизить их. Но мужчина, который стал ей очень дорог, сравнил ее с кем-то из своего прошлого - и она проиграла в сравнении. Ей захотелось плакать.

Но она сдержала слезы. Отняла свою руку, чтобы скрыть ее дрожь. И опустилась в кресло, не устояв на внезапно ослабевших ногах.

- Я устала, - сказала Евгения, чтобы не показаться невежливой. Но ей уже было нечего терять, и она спросила о том, что было для нее важнее всего на свете: - Помнится, вы говорили, что утром мы должны будем расстаться. Куда вы направитесь с Альфом... после этого?

- В Мексику, - ответил Фергюс. - В древний город Чичен-Ица. Я хочу, чтобы мы поднялись на вершину храма Кукулькана. Скоро день осеннего равноденствия.

Он произнес последнюю фразу так, словно она все должна была объяснить Евгении. Но догадался по недоумевающим глазам женщины, что она ничего не поняла.

- Чичен-Ица – это священный город давно вымершего народа майя, - терпеливо пояснил он. - В этом городе они молились своему неведомому людям божеству, для которого построили храм Кукулькана высотой двадцать четыре метра. Это настоящее произведение древнего архитектурного искусства. Но его истинная ценность не в этом.

- А в чем? – спросила Евгения безучастно.

- На языке майя Кукулькан означает «пернатый змей». Смысл названия становится понятным только в дни весеннего и осеннего равноденствий. Именно в эти два дня, в сентябре и марте, приблизительно в три часа пополудни, лучи солнца освещают западную сторону пирамиды таким образом, что свет и тень образуют подобие извивающейся змеи. Длина этого гигантского змея тридцать семь метров. Его хвост находится на вершине, тело стремится к подножию и у самой земли заканчивается головой, вырезанной в основании лестницы. Чем ниже опускается солнце, тем ближе эта змея подползает к собственной голове.

- В этом году день осеннего равноденствия приходится на двадцать третье сентября, - задумчиво произнесла Евгения. - Через три дня, которые надо еще прожить.

Фергюс хмыкнул.

- Разумеется, люди считают, что эта световая иллюзия, которая длится ровно три часа двадцать две минуты, возникает совершенно случайно, по прихоти природы.

Он не сдержался и раздраженно добавил:

- Глупцы!

- Людям свойственно ошибаться, - равнодушно заметила Евгения. - Не судите их строго, дорогой мой Федор Иванович. Как гласит китайская пословица, многие жалуются на свою внешность, и никто - на мозги.

- По древним поверьям майя, в это время нужно оказаться на вершине храма Кукулькана, - Фергюс понизил голос и многозначительно посмотрел на женщину. - И загадать желание.

- И оно исполнится? – невольно так же тихо и таинственно, словно они были заговорщиками, спросила Евгения.

- А иначе зачем бы я стал вам все это рассказывать, Женя? – удивленно взглянул на нее эльф.

- А в самом деле, Федор Иванович, зачем вы мне все это рассказали? – спросила она. И впервые в ее глазах появился интерес.

- Потому что я хочу, Женя, чтобы вы поднялись на вершину храма Кукулькана в день осеннего равноденствия и загадали свое самое заветное желание, - сказал Фергюс. - И оно исполнится. Не сомневайтесь.

- Но ведь..., - Евгения растерянно посмотрела на него. - Если мне не изменяет память, вы сказали, что собираетесь отправиться туда с Альфом?

- Сказал, - подтвердил Фергюс.

- И в то же самое время говорите, что хотите, чтобы я...

- Говорю.

- А это значит...

- А это значит, Женя, что я приглашаю вас присоединиться к нам с Альфом в этой поездке, - вздохнул Фергюс, словно сетуя в душе на ее непонятливость. – Если вас не особенно манит Австралия, разумеется.

- Вы это серьезно? – в глазах женщины плескалось недоверие, которое она не могла преодолеть. Слишком стремительным был разворот от безнадежного отчаяния к надежде, которую ей вновь предлагал обрести Фергюс.

- Более чем, - подтвердил Фергюс. – Вы не обидитесь, если я скажу, что уже заказал вам билеты на самолет до Лимы? Я надеялся, что мы полетим одним рейсом.

За Евгению ответили ее глаза.

Она была так счастлива, что даже не поинтересовалась, почему они летят в Лиму, столицу Перу, а не в Мексику, где расположен древний город Чечен Ица. Но если бы спросила, то Фергюс не ответил бы или слукавил, что-нибудь придумав. Эльф, как обычно, запутывал следы. Это была привычка, приобретенная за долгие годы, от которой он не собирался отказываться.

Глава 12

Такси простояло у Сеульского леса несколько долгих часов. Но Сеунг Ким терпеливо ждал, выполняя приказ Фергюса. «###», - мысленно повторял он, не вникая в смысл слов и даже не задавая себе вопроса, почему он здесь, а главное – зачем ему это надо. Несколько раз до него доносился треск кустов, когда через них пробирались дикие звери, однажды мелькнул пятнистый бок оленя. На вершинах деревьев, оставаясь невидимыми, азартно цокали белки. Неприятно пахло болотной сыростью.

И только перед самым рассветом от темной массы деревьев отделились две фигурки, большая и маленькая, и приблизились к автомобилю.

- Ты ждешь нас? – спросил тот, кто был намного выше.

- Да, господин, - ответил, ничему не удивляясь, Сеунг Ким. – Ведь вы сами мне приказали.

Тот, кто задал вопрос, хмуро взглянул на водителя из-под полей широкополой шляпы, бросающей густую тень на его лицо, и сказал:

- У меня болезнь Альцгеймера. Я быстро забываю то, что со мной происходило раньше, даже вчера. Напомни мне, где мы с тобой встречались?

- Вчера днем вы сели ко мне в машину в аэропорту, - безучастно ответил Сеунг Ким. – С вами был этот же мальчик и еще одна женщина. Я довез всех троих до отеля. Затем мы съездили с вами, господин, в Сеульский лес, после чего вернулись в отель. И вы приказали мне опять ехать к лесу и ждать, пока ко мне не подойдут двое, мужчина и ребенок. Мужчина должен сказать мне, куда ехать.

- Все верно, - кивнул Фергюс. – Мы едем в аэропорт. Сынок, садись.

Он открыл заднюю дверь. Альф, не говоря ни слова, словно перепуганный мышонок быстро юркнул внутрь и устроился в кресле. Мужчина сел рядом с ним и, обняв ребенка, почувствовал, как часть бьется его сердечко. Автомобиль тронулся с места.

- Болезнь Альцгеймера очень неприятная штука, - сказал Фергюс, пытаясь завязать разговор с водителем. – Сначала человек теряет память, потом - способность ориентироваться в обстановке и ухаживать за собой. А затем умирает. Но я не одинок. Говорят, что к две тысяча пятидесятому году нас таких на планете будет сто миллионов. Это утешает, не правда ли?

- Да, господин, - равнодушно подтвердил Сеунг Ким.

- Я бы с ума сошел, заболел какой-нибудь исключительной болезнью, которой не болел бы никто, кроме меня, - поощренный ответом водителя, продолжал развивать свою мысль Фергюс. - Одиночество – вот что страшно по-настоящему. Ты как думаешь?

- Так же, как и вы, господин.

- Что ты мне все господин да господин, - воспротивился Фергюс. – Называй меня... А, впрочем, это не важно. Лучше скажи, как тебя зовут, приятель?

- Сеунг Ким из города Кимхэ.

- Хорошее имя, - одобрительно заметил Фергюс. – Сеунг в переводе с корейского значит победитель. А мое имя означает добродетельный. Тебе нравится?

- Да, господин.

- Папа, он с тобой во всем соглашается, - шепнул на ухо Фергюсу мальчик. – Тебе не кажется это странным?

- Нет, сынок, просто дядя очень вежливый, - ответил мужчина. – Настоящий кореец! Вежливость – в природе коренных жителей Кореи. Верно я говорю, Сеунг?

- Да, господин.

Весь остальной путь они проехали молча, Фергюс уже не пытался заговаривать с водителем.

Такси остановилось перед зданием аэропорта в тот самый момент, когда от взлетной полосы отделился и взмыл в воздух самый большой в мире пассажирский авиалайнер Airbus A380. Мужчина и мальчик, выбравшись из такси, долго провожали его восхищенными взглядами.

- У, какая громадина! – сказал Альф. – Папа, а мы полетим на таком же?

- Не знаю, сынок, - ответил тот и обратился к водителю: - А ты, приятель, не знаешь?

- До Сиднея летят Airbus A330-300 и Boeing 777-200, - ответил тот, равнодушно взглянув на небо. – А это Airbus A380. Он почти вдвое больше вашего. Может вместить восемьсот с лишним пассажиров и перебросить их на расстояние пятнадцать тысяч километров.

Неожиданно его голос изменился, приобрел человеческие нотки.

- Мне бы на таком полетать, - мечтательно произнес он. – Кажется, жизнь отдал бы за это!

Но это продлилось всего мгновение. И Сеунг Ким отвел взгляд от неба, снова потеряв интерес к чему бы то ни было на свете.

- Еще летаешь, приятель, - ободрил его Фергюс, не заметив перемены. – Какие твои годы. Прощай!

- Прощайте, господин, - ответил Сеунг Ким.

Взвизгнув тормозами, автомобиль рванулся с места. Он лихо объехал несколько автобусов и зазевавшихся пассажиров и выехал на главную трассу. Рванул, обгоняя попутные автомобили и оставляя их далеко позади так быстро, что гневные выкрики и проклятия водителей уже не доносились до Сеунга Кима.

Когда такси отъехало от аэропорта на несколько километров, в мозгу Сеунга Кима будто щелкнул невидимый выключатель. Пелена, окутывавшая его разум, спала. Но одновременно исчез и невидимый радар, который позволял ему так долго безнаказанно нарушать правила дорожного движения. В этот момент Сеунг Ким обогнал большой пассажирский автобус и был вынужден выехать на полосу встречного движения. Неожиданно он увидел, что навстречу ему несется, подавая непрерывный звуковой сигнал, огромный трейлер. Руки Сеунга Кима, до этого уверенно сжимавшие руль, задрожали. Но раньше сдали нервы. Он закричал от ужаса и закрыл лицо руками. Многотонный трейлер и автобус в одно мгновение превратили такси в груды железа, а самого Сеунга Кима буквально размазали по трассе, не оставив от его плоти ничего, что можно было бы послать в закрытом гробу его отцу и матери в город Кимхэ...

Но Фергюс и Альф этого уже не видели и никогда не узнали. Они бродили по аэропорту в ожидании, пока объявят посадку на рейс в Сидней. В одном из лучших аэропортов мира можно было даже не тратить денег, если все, что тебе надо – это принять бесплатный душ, воспользоваться бесплатным Wi-Fi, прослушать концерт симфонической и поп-музыки или получить представление о каком-либо традиционном корейском ремесле. Но за деньги можно было получить любое удовольствие, какое только взбредет на ум. Фергюс тратил воны, не считая. Толстая пачка, которую он то и дело доставал из кармана, расплачиваясь, таяла, словно снежный сугроб под апрельским солнцем. Они ели в ресторанах самые дорогие блюда, покупали не нужные безделушки, смотрели кинофильмы, лакомились пирожными – и все это в таком количестве, словно были лишены всего этого долгое время и не надеялись уже никогда получить вновь.

- Папа, а почему мы раньше никогда не путешествовали? – спросил Альф, блестя глазенками. В руке он держал огромный кусок шоколадного торта, от которого смог откусить только один кусочек, но жалел выбросить. – Ведь это так здорово!

- Мы будем путешествовать целую вечность, - заверил его Фергюс. – Тебе еще надоест. И ты запрочишься домой. Папа, скажешь ты, мне надоели бесконечные самолеты, аэропорты, шоколадные торты. Я устал от икры, омаров и коньяка... Впрочем, это скажу тебе я, когда начну отвечать. И мы вместе погрустим, но недолго, а потом...

Фергюс замолк, прислушиваясь, словно испугнутая лань.

- Объявляется регистрация на рейс..., - повторно прозвучало объявление под сводами аэропорта, и его продублировали электронные табло, по которым побежали быстрые надписи.

- А что потом, папа? – спросил Альф, не дождавшись окончания фразы.

- А что будет потом, сынок, мы узнаем чуть позже, - ответил Фергюс рассеянно. – Даже если не захотим этого знать. Ты слышал, что объявили регистрацию на наш рейс? Нам пора.

Они прошли к стойке регистрации. Багажа у них не было, как и ручной клади. Все, что они купили до этого, было забыто в одном из кинотеатров, из пустого темного зала которого они ушли, так и не досмотрев фильм. Фергюс достал из внутреннего кармана пиджака документы, свои и Альфа, протянул их девушке в униформе, не сводя с нее глаз. Девушка слепоглянула в бумаги незрячими глазами, поставила штамп, отдала обратно. Почему-то она перестала улыбаться. И сразу стала выглядеть старше лет на десять, словно невидимый дождь смыл с ее лица все косметические ухищрения.

Но она была не одинока. То же самое продолжалось на всем пути, который Фергюс и Альф проделали от здания аэропорта до салона самолета. Служащие, таможенники, стюардессы и стюарды – все они словно слепли и теряли хорошее настроение, увидев мужчину и мальчика. Но зато молниеносно и беспрекословно выполняли любые прихоти, словно страхась вызвать их неудовольствие.

Даже когда самолет взлетел, и Фергюс высказал желание пройти в кабину пилотов, никто ему не возразил. Безмолвная стюардесса сама провела его. Фергюс скрылся за дверью и вышел через несколько минут. Он вернулся на свое место в бизнес-классе, где его встретил вопрошающий взгляд Альфа.

- Все хорошо, сынок, - успокоил его мужчина. – Дяди были очень приветливы со мной и пообещали, что выполнят мою просьбу. У нас еще есть время. Ты хочешь поспать или будешь смотреть в иллюминатор?

- Я хочу спать, папа, - сонно ответил мальчик. – Спасибо тебе. Мне так понравилось! Мы когда-нибудь еще...

И, не договорив, он заснул, свернувшись калачиком в кресле, которое могло показаться пустым, настолько он был мал.

- Спи, сынок, - тихо произнес Хьеон Ли. – Я надеюсь, ты простишь меня. В будущей жизни, если она есть для нас.

Древесный человек, обессилев, уже не мог таиться. Да и не хотел. Он устал. Смертельно устал. Этот день потребовал от него усилий, которые превышали возможности любого человека и даже большинства духов. Внушить огромному количеству людей, которые встречались им с Меонгом, что он Фергюс, а его сын – Альф, было невероятно трудно. Та часть его сущности, которая была пэн-хоу, истощилась, и физически, и духовно. Но это было уже не важно. Самолет летел над океаном.

Пилоты слепо смотрели на темно-фиолетовые облака, сгустившиеся вокруг самолета. Они предвещали грозу, но люди не беспокоились об этом. Да и ни о чем другом. Над океаном капитан авиалайнера отключил автопилот и перешел на ручное управление. Через некоторое время он отдал штурвал от себя. Самолет клюнул носом и начал резко снижаться. Второй пилот отключил связь с авиадиспетчерской службой аэропорта. Капитан увеличил скорость движения самолета на сотню узлов. Турбины двигателя взвыли. Это была не посадка. Это было падение. Стремительный полет в океан.

Большинство пассажиров погибло еще в воздухе, когда самолет начал разваливаться на куски от перегрузки. Их обезображенные тела разбросало на десятки километров. Другие умерли при ударе о поверхность воды. Остальное довершили акулы. Куски фюзеляжа пошли на дно, некоторые сразу, другие постепенно. Прошло не так много времени, и океан вновь принял прежний облик, скрыв все следы катастрофы.

Почувствовав, что самолет падает, древесный человек обнял своего сына, словно пытался защитить его если не от смерти, то от страданий. Но его похожие на переплетенные корни руки поранили нежную кожу мальчика до крови. Перед тем, как умереть, Меонг заплакал от боли...

Глава 13

Из резиденции главы Совета XIII Алва направилась в отель Adlon Kempinski, который привлекал ее тем, что был расположен на Pariser Platz, и это в самом центре Берлина. В глазах Алвы имело ценность все, что было так или иначе связано с милым ее сердцу Парижем. Берлин она едва терпела. То же самое чувство она испытывала по отношению к населяющим его немцам, трудолюбивым, экономным и прямолинейным бюргерам по самой сущности своей - в противовес веселым, беспечным и эгоистичным французам, которых она обожала.

Поэтому Алву мало волновало, что отель находился всего в двухстах метрах от Бранденбургских ворот и в семистах метрах от рейхстага, в окружении архитектурных достопримечательностей, респектабельных художественных галерей и известных театров. Больше ее привлекало то, что в отеле имелись спа-центр, ночной клуб и терраса на крыше, по которой можно было гулять по ночам в надежде на новые романтические знакомства, которые сама Алва, не лукавя сама с собой, называла секс-авантюрами.

Эльфийка сняла номер на шестом этаже, чтобы как можно реже сталкиваться с постояльцами отеля. Ей надо было отдохнуть после перелетов из Парижа в Москву и обратно в Берлин перед тем, как бросаться в погоню за Фергюсом. Лететь в Париж на такой короткий срок смысла не было. Кроме того, она ждала рарога, которого ей обещал прислать в гостиницу кобольд Джеррик. Алва отличалась редкостным здравомыслием. Она не забыла, как ловко Фергюс снес голову Грайогэйру самурайским мечом. Алва не желала, чтобы с ней повторилась та же история. Для этого ей и был нужен телохранитель, bodyguard. По-немецки это звучало ужасно – leibwächter. Зато на французском языке очень романтично - security guard.

Алва не хотела выглядеть уставшей при встрече со своим будущим security guard, поэтому она сразу легла в постель, предварительно приняв душ. У нее не было с собой ни пижамы, ни халата, чемоданы с личными вещами она оставила в аэропорту, чтобы они не обременяли ее. Поэтому она легла совершенно голой. Когда спустя час в дверь номера постучали, она небрежно накинула на себя одеяло и ответила почему-то по-французски:

- Entrer!

Алва считала, что она говорит на чистейшем парижском диалекте, свойственном жителям Парижа XVIII века, в те времена революционного террора, который начался со взятия Бастилии, а привел к уничтожению аристократии и монархии. И очень гордилась этим.

Дверь открылась, и вошел рарог, молодой, высокий и красивый, как сразу с удивлением отметила Алва. Она не думала, что кобольд будет настолько неосторожен или, быть может, уверен в себе, что предоставит ей в спутники такой великолепный экземпляр. Возможно, оценивающий взгляд Алвы выдал ее мысли, или рарог сумел их прочесть, но он нахмурился и сухо спросил:

- Тебя зовут Алва?

- А тебя? – обольстительно улыбнулась эльфийка.

- Philippe Leroy, - ответил рарог.

И Алва почувствовала, как у нее набухают соски. Французский язык, на котором разговаривал молодой рарог, был превосходен и абсолютно без акцента, от которого она сама так и не смогла избавиться за много прожитых в Париже лет.

- Тебя прислал Джеррик? – спросила она, умоляя Великую Эльфийку, чтобы ее голос не дрожал от возбуждения, охватившего ее.

- Повелитель Джеррик приказал мне повсюду следовать за тобой и выполнять твои приказы, - с едва заметным неодобрением произнес рарог. Ему явно не нравилась перспектива подчиняться эльфийке.

Но это еще больше возбудило Алву. Она любила, когда добыча доставалась ей после непродолжительной и неумолимой, но все-таки охоты. Доставать жертву из силков претило самой ее натуре. Хорошо это или плохо, но по природе своей Алва была авантюристкой, и даже не пыталась этого изменить.

- Твой хозяин – Джеррик? – с намеренным вызовом, который она скрыла под вежливым тоном, поинтересовалась Алва. Так кошка протягивает свою лапу к мышке, до поры до времени пряча острые коготки в мягкой пушистой шерстке.

Удар попал в цель. Рарог оскалил клыки, его густая шерсть вздыбилась и заискрилась.

- У меня нет хозяина, - прорычал он приглушенно, все еще помня о дисциплине. – Я командир отряда специального назначения войск самообороны Совета тринадцати, и только выполняю приказы. Запомни это!

- Я запомню, - мило улыбнулась ему Алва. – А ты запомни, Филипп, что отныне ты выполняешь только мои приказы. С этой минуты я твой командир. Ты понял?

- Так точно, - сухо ответил рарог. Его шерсть улеглась, но глаза продолжали злобно сверкать, выдавая истинные чувства.

- Слепо и без рассуждений, - продолжала наслаждаться своей властью Алва.

Рарог молча кивнул, опасаясь, что его может выдать голос.

- Сейчас я проверю, насколько хорошо ты понял меня, - улыбка Алвы стала хищной. – Покажись мне в своем истинном облике. Я хочу знать, с кем буду иметь дело. Это приказ!

Алва добавила последнюю фразу, потому что рарог хотел что-то возразить. Но, услышав ее резкий, как звук хлыста, выкрик, рарог промолчал. Вместо возражений он расправил свои могучие крылья и стал похож на огромную черную птицу. Его ноги напоминали человеческие, и все-таки это был не человек. Тело рарога искрилось, жесткие, похожие на оперение, волосы, которыми оно было покрыто сверху донизу, сияли, будто покрытые фосфором, из полуоткрытого рта вырывались языки пламени. Рарог был ужасен и прекрасен одновременно.

Это длилось несколько мгновений. Затем рарог принял свой прежний человеческий облик и хмуро глянул на восхищенную Алву.

- Я тоже хочу знать, с кем мне придется иметь дело, - произнес он, не повышая голоса.

- Это справедливо, - улыбнулась Алва и откинула одеяло.

Глазам рарога предстало ее роскошное тело. Большая мягкая грудь, массивные бедра, длинные стройные ноги, которые вызывали восторг у всех без исключения мужчин и духов, перед которыми ей приходилось обнажаться в своей жизни. А их было великое множество.

- Тебя это устроит? – спросила Алва, дав ему время полюбоваться своей наготой. И снова накинула на себя одеяло.

- Думаю, что да, - хрипло ответил рарог.

- Ты получишь то, что видел, Филипп, - пообещала Алва. – Но только на моих условиях.

- И что это за условия? – поинтересовался он, не сводя жадных глаз с ее бедра, которое соблазнительно выглядывало из-под небрежно накинутого одеяла.

- Условие первое. Если будешь выполнять любые мои приказы, - начала перечислять она, загибая пальцы. – Условие второе. Только после того, как наше дело будет завершено. Условие третье...

- Слишком много условий, - прорычал рарог.

Одним прыжком он преодолел расстояние до кровати и рывком сорвал одеяло с Алвы. А затем навалился на нее сверху, глубоко вдавив в мягкую перину.

Алва пыталась сопротивляться. Но силы были слишком не равны.

Рарог овладел ею грубо и насильно, но, войдя в нее, вдруг стал нежным и ласковым. Он не спешил, и Алва получала истинное наслаждение от близости с ним. У него было крепкое тело, упругое и горячее. Тела ее мужа, Лахлана, и ее любовника, Джеррика, были мягкими, словно желе, рыхлыми и дурно пахли. От тела рарога исходил аромат молодости, напомнимший

эльфийке времена юности. Вскоре она перестала сопротивляться. Закрыла глаза и отдалась блаженству, которое жаркой волной захлестнуло ее с ног до головы.

Блаженство длилось целую вечность. Но когда Алва оказалась на его вершине, начался медленный, и не менее опьяняющий, спуск, который длился еще одну вечность.

Когда тело рарога сотрясла крупная дрожь экстаза, Алва приникла губами к его уху и тихо замурлыкала свою любимую песню:

- Может, это весна льется каплями с крыш, заливая пустой Париж...

Эльфийка не успела допеть. Рарог, снова возбуждись, сладостно застонал и, рывком перевернув Алву на живот, опять вошел в нее. И уже сама Алва почти обезумела от наслаждения. Она стонала и плакала, выкрикивала имя «Филипп» и повторяла его на все лады, словно лаская языком каждую букву. А затем начала ласкать языком его тело, и это было не менее чудесно...

Они изнемогли, когда за окном уже полиловели сумерки, предвещая приближение короткой сентябрьской ночи.

- Philippe, - прошептала Алва. - Philippe Leroy. Какое красивое имя! И оно очень идет тебе, мой милый.

Но во взгляде рарога не было любви, а только презрение. Его удивляла ее внезапная нежность. Он все еще не простил эльфийку за те оскорбления, которым она подвергла его в начале их знакомства. Алва не учла, что рароги не забывают и не прощают обид. До этого дня она никогда не сходилась близко с рарогами, быть может, страшись их плохой репутации бандитов и убийц.

- Я тоже так думаю, - буркнул Филипп. - А еще я думаю, что Джеррик вовсе не это имел в виду, когда приказывал мне беспрекословно выполнять твои приказы. Мне кажется, он будет недоволен.

- Ты боишься кобольда? - спросила Алва. Сама она сейчас не боялась ничего и никого на свете. - Этого карлика?

- Я боюсь только одного - нарушить приказ, - ответил рарог, вставая и начиная одеваться. Его холодный тон отрезвил Алву. Зябко вздрогнув, она закуталась в одеяло.

- Ты бывал в Австралии? - спросила она.

- Никогда.

- Мы летим в эту страну. За эльфом Фергюсом. Ты помнишь его?

- Бывшего члена Совета тринадцати? Разумеется. Так он скрывается в Австралии?

- Я встретила его сегодня утром в аэропорту Москвы. Он улетел рейсом Москва - Сеул - Сидней.

- А ты не подумала, что он может остаться в Сеуле? - хмыкнул Филипп. - А билет до Сиднея купил только для того, чтобы запутать следы.

Алва поразились. Филипп оказался не только красив, но и умен. Это было редчайшее сочетание для рарога. И она с благодарностью подумала о кобольде. Джеррик оказал ей большую услугу, прислав Филиппа. Филиппа Леруа...

Произнеся мысленно его имя, Алва почувствовала, как ее соски снова начали набухать. Это было как наваждение. И она рассердилась на саму себя. Встала и начала медленно одеваться. Ей очень хотелось, чтобы Филипп наблюдал за ней. Она не стыдилась своего роскошного тела, наоборот. Но он упорно продолжал смотреть в окно, как будто мог увидеть там что-то более интересное. Алва зло поджала губы. Но усилием воли сумела не выказать обиду.

- Тогда мы летим в Сеул, - с нарочитой веселостью сказала она. - Как ты думаешь, Филипп, что лучше - пересадка во Владивостоке или Пекине?

- Владивосток маленький город, - презрительно отозвался рарог. - Там не останется незамеченной такая женщина, как ты, Алва. Это нам ни к чему.

Никогда Алва не пыталась быть незаметной. Наоборот, нарочно привлекала к себе всеобщее внимание эксцентричным поведением, получая от этого истинное удовольствие. Но сейчас она восприняла слова рарога как скрытый комплимент. Ей показалось, что, сам того не желая, Филипп выдал свои истинные чувства к ней.

Подумав об этом, Алва рассмеялась.

- Пекин так Пекин!

Филипп с удивлением взглянул на Алву. Эльфийка весело ему подмигнула. Он нахмурился, не понимая.

- А тебе и не надо ничего понимать, - погрозила ему пальцем Алва. – И не вздумай проникать в мои мысли. Ты помнишь распоряжение, которое получил от Джеррика? Ты должен слепо и без рассуждений выполнять мои приказы.

- Так точно, - недовольно буркнул рарог.

Филипп понял, что овладев эльфийкой, он не смог подчинить ее своей воле, на что втайне рассчитывал.

Глава 14

Из Сеула до Лимы, столицы Перу, где на севере страны затерялась гора Хай Марка, пролегло расстояние в шестнадцать тысяч километров. Чтобы преодолеть его, понадобилось почти двое суток полета на самолете, с двумя пересадками и многочасовыми ожиданиями. В аэропорту Сан-Франциско они провели более полусуток, но Евгения наотрез отказалась от экскурсии в город. В Сан-Франциско жили ее бывший муж и сын.

Но это была единственная «черная дыра» в этом путешествии. Все остальное время они много смеялись и много разговаривали, иногда молчали, но это их также не тяготило. Они были похожи на дружную семью, отца, мать и сына, которые решили совершить туристическую поездку в неведомую страну. Во всяком случае, Фергюс старался не выходить из этого образа – солидного, серьезного, но одновременно и счастливого отца семейства, очень богатого и очень щедрого. Он знал по опыту, что такие мужчины не вызывают ни у кого никаких подозрений. Главное было не скупиться на чаевые. Он так и поступал.

Евгения была очарована этим образом. А Альф от души веселился. Он-то знал, как неохотно его дед обычно общается с людьми, и с каким трудом даются ему улыбки. И то, что он так изменился, Альф приписывал исключительно благотворному влиянию Евгении. Мальчик и сам был рад, что она путешествует с ними. Но не говорил об этом, боясь сглазить. Он был немного суеверен. Возможно, это передалось ему по наследству от отца, которого он никогда не знал, как тому – от его бабушки-ведьмы Алевтины, о существовании которой в далеком прошлом Альф даже не догадывался.

Удобно устроившись в мягком кресле рядом с иллюминатором, за которым дыбились горными кряжами розовые облака, Альф осваивал подаренный ему смартфон. И изредка вставлял реплики в разговор Фергюса и Евгении.

- Все, что я знаю о дне осеннего равноденствия, можно уместить в одной фразе, - призналась Евгения. - В этот день продолжительность дня и ночи на всей Земле одинакова и равна двенадцати часам.

- Земля в этот день занимает строго вертикальное положение относительно Солнца, - уточнил Фергюс. - И в северном полушарии начинается астрономическая осень, а в южном - астрономическая весна.

- Но это тоже ничего не объясняет, - вздохнула она. - Я имею в виду храм Кукулькана. И его ползущего «пернатого змея».

- И почему люди всегда все пытаются объяснить? - с укоризной спросил Фергюс.

- Потому что каждый человек должен чувствовать себя спасителем мира, - заметила Евгения. - Так считают китайские мудрецы.

- И эта мудрость принесла вам счастье?

Евгения задумалась ненадолго. И затем горько рассмеялась.

- Знаете, Федор Иванович, рядом с вами я часто чувствую себя неразумным ребенком, - сказала она. - Он ничего еще не знает, но пытается обо всем судить со своей колокольни.

- Это не удивительно, Женя, - ответил он. - Я намного вас старше.

- Всего-то лет на десять – пятнадцать, - возразила она. С тревогой взглянула на его улыбку. - Или больше? Скажите, Федор Иванович! Вы же не женщина, чтобы скрывать свой возраст!

- Не женщина, - подтвердил Фергюс. - Но все равно не скажу.

- Почему? - искренне удивилась она.

- Потому что вы не поверите. А обманывать вас, Женя, мне не хочется. Вы действительно словно ребенок. А лгать ребенку – это предосудительно, на мой взгляд.

- Это точно, дед никогда не врет, - вмешался Альф. – Даже если захочет – все равно не сможет...

- Альф! – строго произнес Фергюс. Но глаза его смеялись. – А тебе не кажется, что...

- Кажется, дед, - примирительно ответил мальчик. – Слушай, а здесь и интернет есть! Сейчас посмотрю, какая погода нас ожидает в Перу.

- Послушайте, Федор Иванович, дорогой, а как мы будем объясняться с местными жителями? – с тревогой спросила Евгения. – На каком языке они говорят?

- В основном на испанском, - ответил Фергюс. – А также на кечуа и аймара.

- Для меня испанский terra incognita. А об остальных я даже и не слышала. А вы?

- Думаю, что сумею объясниться.

- И на каком языке?

- На всех трех, в случае необходимости.

- А вы, простите за нескромный вопрос, сколько языков знаете, Федор Иванович?

- Дед может говорить на трех тысячах языках, - с гордостью произнес Альф. – И это не считая давно мертвых и вымирающих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.